

www.Litmeridian.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МЕРИДИАН

Культурно-просветительское художественное издание

Выходит с января 2008 года

№ 1
ЯНВАРЬ
2012

*Материал Виты Пшеничной «О, Wien, Wien!..», посвящённый
Международному фестивалю «Литературная Вена - 2011»,
читайте на с. 3*

Общий снимок участников фестиваля у памятника русскому солдату

*Материал Василя Самохотина «...Эти парни вернулись из боя»
читайте на с. 14*

На встрече воинов-интернационалистов

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МЕРИДИАН

Культурно-просветительское художественное издание

Январь 2012 года
№ 1 (51)

Главный редактор – Владимир КОСТЫЛЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Г.В. БОГДАНОВ, зам. главного редактора,
г. Хабаровск.

С.Д. БАРАБАШ, г. Владивосток.

И.В. КОНЧАТНЫЙ,
г. Арсеньев Приморского края.

Э.В. КОЧЕТКОВА, г. Владивосток.

А.А. ТРАПЕЗНИКОВ, г. Москва.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ:

И.В. БАНКРАШКОВА, г. Хабаровск.

Н.А. ЗИНОВЬЕВ, г. Кореновск.

Ю.Н. КАБАНКОВ, г. Владивосток.

В.Я. КУРБАТОВ, г. Псков.

Р.П. ЛЯШЕВА, г. Москва.

Г.В. НАЗИМОВ, Калифорния, США.

В.В. ПРОТАСОВ, г. Владивосток.

В.М. ТЫЦКИХ г. Владивосток.

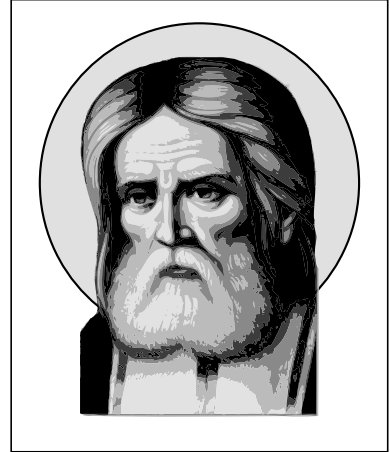
Учредитель: Костылев В.А.
Соучредитель: коллектив редколлегии.

Арсеньев
2012

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

- с. 3. **Событие.** Вита ПШЕНИЧНАЯ
- с. 4. **Путеводитель.** Александр ТРАПЕЗНИКОВ
- с. 7. **Проза.** Андрей УГЛИЦКИХ
- с. 8. **Свет памяти.** Валентин КУРБАТОВ
- с. 10. **Проза.** Жанна РАЙГОРОДСКАЯ
- с. 13. **Поэзия.** Александр ПЛЕТНЁВ
- с. 14. **Боевое братство.** Василий САМОТОХИН
- с. 16. **Поэзия.** Иван ТАРАН
- с. 17. **Поэзия.** Александр ЕГОРОВ
- с. 18. **Поэзия.** Вячеслав ПРОТАСОВ
- с. 19. **Наболело!** Тамара КРЫЛОВА
- с. 21. **Поэзия.** Елена АЛЕКСАНДРЕНКО
- с. 22. **Из первых уст.** Виктор БОГДАНОВ
- с. 26. **Проза.** Виктор ВЛАСОВ
- с. 27. **От редакции.**

Ежемесячник
«Литературный меридиан»
основан 15 января 2008 года,
в день памяти святого преподобного
Серафима Саровского чудотворца

ТРОПАРЬ, ГЛАС 4

От юности Христа возлюбил еси, блаженне, и Тому Единому работати пламенно вожделев, непрестанною молитвою и трудом в пустыни подвизался еси, умиленным же сердцем любовь Христову стяжав, избранник возлюблен Божия Матере явился еси. Сего ради вопием ти: спасай нас молитвами твоими, Серафиме, преподобне отче наш.

О, WIEN, WIEN!..

Вита ПШЕНИЧНАЯ,
г. Псков

20-23 октября 2011 г. в Вене (Австрия) состоялся Международный фестиваль «Литературная Вена – 2011», собравший авторов из 14-ти стран.

Три дня были насыщены разносторонним общением: состоялся круглый стол по проблемам книгоиздания и книгообеспечения библиотек России и зарубежья, обмен опытом участия в других конкурсах и фестивалях, представление печатной продукции, презентации (стихи, проза, публицистика, критика), встречи с почётными гостями – поэтом Александром Кушнером, редактором журнала «Знамя» Сергеем Чуприниным, директором журнала «Вопросы литературы» Ириной Ковалёвой, писательницей Еленой Логуновой...

Центральным событием, конечно же, стало награждение победителей и лауреатов, имена которых до последнего момента были неизвестны...

Говорить о времени более дальнем – пустое, утекло, что та водица, но в течение последних двух с небольшим лет (от моего первого участия в гоголевском конкурсе, на который работа была отослана спонтанно и с зажмуренными глазами, отослана от полного бессилия опубликовать её здесь, в России, и от нокаутующего меня тогда отчаяния и до последнего, 2011-го года литературного конкурса) мысль о том, что однажды я окажусь в Вене, казалась мне фантастической, поэтому я старалась не допускать её близко к сердцу, зная, как оно умеет болеть. Побывать – чего уж тут скромничать! – в сказке, за тридевять земель, в тридевятом царстве, некогда выпестовавшем Моцарта и вдохновлявшем Шопена, разящем наповал величием и разнообразием архитектурных форм, изяществом узких улочек, ароматами, доносящимися из маленьких уютных кафе... Обо всём этом человеку, живущему в российской провинции, пусть и в не менее славном и богатом историей городке, можно было разве только мечтать. Но, но... Стремительно вырастая, мы так же стремительно не только разучиваемся мечтать (всё некогда), но и забываем, что мечты, если они настоящи и чисты, имеют обыкновение сбываться, сколько бы лет тебе не было. Это как любовь, которая «нечаянно нагрянет».

Не стану подробно описывать «три счастливых дня» пребывания на Международном фестивале «Литературная Вена 2011» – эмоции непослушны и резвы подобно расшалившимся детям; они и сейчас перебивают друг дружку, и каждой хочется выплеснуться первой, а это, согласитесь, несправедливо.

Главное – в ином. Три дня общения «на равных» между организаторами и гостями фестиваля, участниками конкурса и членами жюри, без намёка на по-

добострастие с чьей-либо стороны или внутренний дискомфорт, без тени лукавства или высокомерия, которыми мы так щедро «задарены» на родной стороне, – дорогого стоят. Более того, ты чувствуешь, что в душе снова утверждается пошатнувшаяся вера в возможность уважительного, а не издевательского отношения к литературному труду. Наверное, потому, что из года в год на Фестивале собираются люди хоть и из разных стран и континентов, но «одной крови», говорящие на одном языке и в прямом, и в переносном смысле. Люди, ценящие и пытающиеся сберечь усердно выдавливаемую, насилуемую в России дурным сленгом мелодику русского слова. Люди, распознающие фальшь «с первой ноты» – в мимике, жестах, во взглядах, чего уж говорить про литературу. Не знаю, как где, но в ряде российских регионов именно в среде литераторов проблема открытого, глаза в глаза, общения, стоит остро. А если уж тебя повело на разгромную критику, казалось бы, маститого, по местным меркам, автора или проводимой повсеместно политики одурачивания людей от мала до велика – тут уж и вовсе держись что есть сил. Приходилось держаться. И продолжать верить, что твой труд – не напрасен, а твоё слово когда-нибудь будет услышано. Его и услышала... Вена...

Не знаю, почему, с чего бы, но, когда я на поезде возвращалась домой, под мерное, едва различимое постукивание колёс меня не отпускало милое и почти забытое ощущение, что я опять влюбилась невпопад и безуспешно... И сквозь дремоту то и дело пробивалась и будила перефразированная строка из известного четверостишья Осипа Мандельштама: «О, Вена, Вена, ты мне будешь сниться...»

Снись мне, пожалуйста, почаще, хорошо?..

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО РОМАНА

Александр ТРАПЕЗНИКОВ,
г. Москва

(Выступление на научно-практической конференции в Литинституте 14 декабря 2011 г.)

– Какую книгу труднее написать – умную или безумную, полезную или бесполезную?

Вопрос этот был задан адмиралом Шишковым, министром просвещения России (вот у кого поучиться бы этому пресловутому Фурсенко!), Александру Первому. Сам же он на него и ответил:

– Один уже вопрос сей служит доказательством: неограниченная свобода книгопечатания желает против одной хорошей книги выпускать двадцать худых. Но услышат ли там голос и суд мудрого, где двадцать невежд будут вместе с ним кричать нелепицу? Не одолеют ли напоследок невежды, и сей мудрец не скроет ли талант свой в землю, оставя их кричать, глушить и портить народ? Сколько бы ни говорили, что там просвещение, где в тыщу перьев пишут, однако это неправда: не число книг приносит пользу, но достоинство их; лучше не иметь ни одной, нежели иметь их тысячи худых.

Комментарии тут не нужны. В нынешние времена при почти абсолютной свободе книгопечатания не на двадцать, а на двести худых книг, дай Бог, выйдет одна умная и полезная. Пиши, что хочешь, и издавай, были бы деньги. Весь смысл сегодняшней цивилизации посвящен одному: получению денег и прибыли. Культура, литература, в частности, не исключение. Она насквозь также подвержена коммерческим законам рынка. А ведь русская цивилизация и ее культура уникальны, накопленный веками опыт выживания в любых условиях – под игом, при монархии, идеократии, социализме, демократии с поворотом к дикому капитализму, – с одной стороны, принес неимоверные страдания, а с другой – дал тяжелый, а значит, тем более ценный опыт. Сделал русский народ наиболее эластичным и живучим в мире.

«Русские варвары и колонизаторы, – говорят наши обличители и клеветники, – врывались в стойбища, аулы, кишлаки и хутора», но забывают добавить: оставляя при этом после себя школы, больницы, театры, музеи, университеты и библиотеки. Несли культуру. Пушкиным сказано: «Поймите же, Россия никогда ничего не имела общего

с остальной Европой; история ее требует другой мысли, другой формулы». Ему вторит Гоголь (из письма к Белинскому): «Вы говорите, что спасение России в европейской цивилизации. Но какое это беспредельное и безграничное слово. Хоть бы вы определили, что такое нужно разуметь под именем европейской цивилизации, которое бессмысленно повторяют все».

Сегодня Россия находится в пределах стадии максимального своего сжатия. Но «пружина» сама не разожмется – нам, живущим сегодня поколениям, нужно добиваться ее «разжатия». России требуется прорывной проект модернизации, не либеральной, за которую так ратуют власть предержащие, а модернизации, прежде всего, в сознании. Нам нужны новые горизонты видения и понимание того, что есть дальше горизонта. И было бы печально и губительно увидеть там вновь одни лишь деньги.

Это задача для политиков, идеологов, экономистов и, конечно же, для литераторов. На первых у меня надежды мало, но вот последние могут и должны «разжать» эту пружину. Подвижки к этому в современном литературном процессе есть, уже зримо ощутимы. Когда-то, в девятнадцатом веке, другой министр – министр финансов у Николая Первого граф Егор Францевич Канкрин – обронил чисто протестантскую фразу: «Книга – это не товар, а вот навоз – это товар». То есть бочка навоза может принести гораздо больше прибыли, чем что-то там «разумное, доброе, вечное». С позиции финансиста Кудрина – да, разумеется. Но в итоге мы проиграем окончательно. Ведь сейчас уже и свободное книгопечатание сродни прорвавшимся канализационным трубам. Но не будем больше о «худой литературе», перейдем к качественной. А именно – к роману и его современной модификации.

За последние лет десять по долгу службы литературного обозревателя одной из газет мне пришлось «перелопатить», говоря современным языком, груды книг, современных романов – в том числе. Картина не слишком радужная. Выросший

на классических традиционных русских романах, я вынужден с горечью констатировать, что эта форма уходит в прошлое. Может быть, потому, что изменился сам ритм жизни, ее смыслы, нравственные ценности. А более всего, изменилось сознание массового читателя. Россия из самой читающей и думающей страны в мире превратилась в самую жвачнопоглощающую. У читателя выработалось, благодаря кино- и телепродукции клиповое, «клиповое» сознание. Слово заменяет видеоряд. А поскольку не только писатель влияет на читателя, но существует и обратная связь, то авторы стараются писать «клипово», словно соревнуясь в рекламных роликах.

Однако вот и отрадный факт, знаменующий возвращение русского романа в его классическом виде – книга Сергея Самсонова «Проводник электричества» (да и предыдущее его произведение – «Аномалия Камлаева»). И что удивительно, принятое критиками как левого, так и правого толка. Потому что, наверное, и те и другие действительно просто истосковались по чему-то настоящему, стоящему. Роман эпический, социально-психологический, прослеживающий историю страны за полвека, историю семьи, льющийся неторопливо, с многоходовыми сюжетными линиями, с полифоническим звучанием. Написанный великолепным русским языком, без постмодернистских приевшихся всем изысков. Такие книги редко, но появляются, словно пробиваясь сквозь бетонный асфальт.

Или же роман самарских авторов Анны и Константина Смородиных «Ракушка». По оценке Капитолины Кокшенёвой: «Это целомудренное творчество, питающееся токами самой простецкой жизни, скромной нашей русской природы, христианским чувством, произвольной, но канонически-твердой ортодоксальной мыслью». К этому же ряду можно отнести и роман Сенчина «Ёлтышевы», но о нем сказано уже достаточно много и до меня. Непонятно только, почему кто-то из критиков отнес это произведение к жанру «деревенской прозы». Вовсе нет, это роман о сумерках жизни и ее безысходности, что тоже в традициях классической русской литературы.

Если же говорить о «деревенской прозе», то она, пожалуй, действительно, умерла, как и сама русская деревня. Последним носителем в этом жанре является Владимир Пронский. Да еще, как ни странно, Слава Гозиас с его «Деревенскими хрониками». И если бы я не знал, что этот человек вот уже тридцать лет как живет в Хьюстоне, то считал бы автора литератором из российской глубинки, настолько хорошо и искренне он описывает крестьянский быт. Очевидно, ностальгия не дает спокойно уснуть. Россия не отпускает. Где бы ты от нее ни прятался.

В советские времена существовал довольно популярный жанр «производственного романа», то есть романов о профессии. Теперь он также почти исчез. Нельзя же всерьез считать «производственными романами» гламурные книги об «офисном планктоне» Сергея Минаева или иных менеджерных литераторов. Но я совершенно случайно наткнулся на книгу врача Александра Корчака «Не лучший день хирурга Панкротова», и этот роман произвел на меня сильное впечатление. Вот уж действительно истинный «производственный роман» в самом лучшем смысле этого слова, где показана не только каждодневная работа врача-хирурга, но и глубокие личностные психологические перипетии судьбы главного героя. Так что и этот жанр еще таит в себе надежду на возрождение. Такие романы нужны, они несут еще и просветительскую функцию, кроме чисто литературной.

Исторических романов в последнее время появляется довольно много. Но в них, как правило, задействованы политические взгляды авторов. Попытки подогнать историю под своё мировоззрение. Оно и понятно: не имея сил изменить настоящее – меняешь прошлое. Как сказано у Шеллинга, язык сам по себе есть хаос, из которого литература должна построить тело для своих идей. К тому же, вообще прошлое более властно над человеком, чем настоящее. Человек всегда сын своей эпохи и пасынок предыдущей. Как сказано у Мандельштама: «В жилах каждого столетия живет чужая, не его кровь». Я бы отметил здесь романы Юрия Тёшкина из серии «Тайны земли русской» – «От Схарии до Бери...», Андрея Воронцова-Оренбургского «След Барса», другого Андрея Воронцова, московского, краснодарца Владимира Кожевникова «Отцы и матери» (о казаках накануне первой мировой войны), произведения Александра Сегеня и Михаила Попова и другие романы.

Приобретают всё большую популярность исторические детективы или исторические авантюрные романы. Да еще и с мистическим уклоном. Это целый пласт в современной литературе. Таков, к примеру, роман Дмитрия Федотова «Огненный глаз Тенгри», где переплелись судьбы исследователя Камчатки адъютанта Крашенинникова, древних шаманов и современных милиционеров. Читателям такие произведения нравятся. Это тоже своеобразный уход от настоящего – в прошлое, в «страну чудес». А ведь есть еще и «уход» в будущее, от постылой реальной жизни.

Фантастика сейчас также весьма востребована. Мне хотелось бы сказать несколько слов не о фэнтези, вроде серии книг «Часодеи» Натальи Щербы, которые в большей степени окучивают незрелые умы подростков, а именно о научной фантастике, в традициях Ефремова, Беляева, Лема, Азимова, братьев Стругацких. Этот жанр возрождается и наби-

рает силу. К лучшим образцам я бы отнес произведения всё того же Дмитрия Федотова «Аберрация» и Тима Скоренко «Сад Иеронима Босха» (хотя последний роман ближе к фантастической утопии, а это тоже в традициях русской романистики, вспомним Одоевского). А еще самое благоприятное впечатление на меня произвела книга Кристины Выборновой «Нейронная сеть "Колин"», включающая в себя, кроме одноименного романа, еще и повесть «Связь между мирами». Действие происходит в двадцать втором веке, но человеческие судьбы реальны и узнаваемы. Человек ведь не меняется, меняются лишь вещи и поле вокруг него. Книга эта издана по новой технологии – с компьютерным диском в кармашке на обложке. А на этом диске – текст повести, читаемый самой писательницей, её музыка, её лирические песни. Также исполняемые Кристиной Выборновой. Да еще и художественное оформление книги ее. Талантливая девушка, выпускница, между прочим, Литинститута, где проходит наша конференция, а теперь еще и аспирантка здесь. Думаю, когда в русскую литературу приходят такие люди, говорить о ее летальном исходе просто грешно.

В последнее время наметилась тенденция выдавать сборники новелл или рассказов за романы. Это объяснимо. С коммерческой точки зрения, книга, составленная из одних рассказов, не продаваема. Вот ведь как забавно получается: «толстые» литературные журналы практически не берут у авторов романы, но печатают «малую прозу», а издательства брезгуют рассказами, зато гонят и гонят тематические серии романов. Но это уже проблема «малой прозы», о которой скажет кто-нибудь другой. Я же немного остановлюсь на этих лжероманах, одним из типичных примеров которых является книга Людмилы Улицкой «Зеленый шатер». Конечно же, это никакой не роман, а едва связанное между собой собрание новелл. По этому следу идет и Ольга Новикова с книгой «Христос был женщиной» или нижегородец Олег Рябов с романом-сюитой «Когиз» (о букинистах-коллекционерах). Произведения неплохие, но достоинство их ничуть не убавилось бы, если бы издатели честно обозначили жанр – сборники рассказов. И таких книг, маскирующих жанр, много.

Думаю, что и Бунину, живи он в наши дни в нашей стране, пришлось бы «Темные аллеи» под давлением издателей назвать «романом». Хотя не уверен. Стержень другой. Но гораздо хуже, когда один-единственный рассказ вдруг разрастается до уровня романа (по объему), как, например, книга Станислава Буркина «До свидания, Сима», словно мыльный пузырь, которому так и хочется сказать: «До свидания, Буркин». Подобные «пузыри» также всегда были в отечественной литературе и от них, похоже, никуда не денешься. Но только что-то их

особенно много именно теперь. Время, видно, такое, пузыристое.

Еще одна широко используемая сейчас практика – выпуск романов-эссе. В русской литературе их было не так уж и много. Традиции свои они вообще-то ведут от Монтеня и Паскаля, но сейчас просто вал какой-то обрушился. Почему так? Да потому что когда сказать нечего, а очень хочется, то называй свои опусы «эссе», да еще и приклепывай к ним слово «роман». Такова, скажем, книга Сергея Лебедева «Предел забвения», но это еще более-менее удачное, читаемое произведение, хотя и трудно относимое к жанру романа. А вообще-то, в русской пародийной традиции эссе получило меткое и хлесткое определение – это «взгляд и нечто». Вот пусть «взглядом в нечто» и остается.

Наконец, нечто новое в отечественной романистике. Довольно трудно подыскать точное название этому направлению, но я бы определил его как «виртуальный роман». А за образец взял бы книгу Глеба Нагорного «Флёр», с подзаголовком «роман-файл». Флёр – это не только шелковая ткань, но еще и, по другому толкованию, – пелена, мешающая ясно видеть что-либо. Такова и вся книга, словно сотканная из виртуальных нитей, собранная из компьютерных файлов. Написана она талантливо, спору нет, у автора как-никак три высших образования, он профессиональный драматург, предлагающий читателю свою, внутрикомпьютерную, модель мироздания. Фантастический файловый мир одного, отдельно взятого процессора, удивительно напоминающий наше реальное человеческое общество. Однако пелена, искусно наброшенная автором на идею, смысл и сюжет романа, действительно мешают ясно разглядеть задуманное. Но пусть будут и такие произведения, литература должна развиваться, искать новые пути и формы.

Главное, чтобы не было пустоты. Таких книг, как сказано в определении у Гашека: «Знаете ли вы, господи, что такое «книга»? Книга, господи, это всего лишь большое количество нарезанных в четверку листа бумаги разного формата, напечатанных и собранных вместе, переплетенных и склеенных клеем. Да-с. А знаете ли вы, господи, что такое клейстер? Клейстер – это клей».

Ну а в заключение хочу вновь привести цитату из любимого мной и незаслуженно забытого президента Российской академии наук адмирала Шишкова: «От издания худых, дерзких, соблазнительных, невежественных, пустословных сочинений развращается нравственность, умножаются ложные понятия, темнеет просвещение и возрастает невежество. Худости, рассеянные во множестве книг и часто при первом взгляде непроницаемые, подобно посаженным в землю семенам, дают от себя плод, растут и умножаются, заражая молодых людей сердца и умы».

Благодарю за внимание.

ПОЛЕ

Андрей УГЛИЦКИХ

г. Москва

Начиналось оно прямо за нашим домом и похоже было на огромную цветную шаль... Зимой – белое-белое, летом – зеленое, с красными и желтыми глазками цветов. Над ним кружили птицы, порхали бабочки, оно пахло летним зноем и травой.

Ничто, однако, не продолжается и не может продолжаться вечно. Так случилось и на этот раз. Как-то по весне появились чужие люди, чужаки, поставившие на самом краю полевого простора строительные вагончики-бытовки... После этого у кромки поля стали регулярно появляться автомашины. То легковушки, то грузовики, то самосвалы, забитые под самую завязку тесом, песком и щебнем. Повадились. Из легковушек, не спеша, выходили важные люди. Все они носили белые рубашки, галстуки с крупными узлами и очки с толстыми стеклами. Все они ступали по земле так, словно бы все время опасались ненароком угодить в коровьи лепешки. К ним, как железки к магниту, незамедлительно притягивались-подтягивались люди в робах, обосновавшиеся в бытовках. Важные очкарики о чем-то подолгу говорили с «бытовиками», которые внимательно слушали, и все время согласно кивали головой, словно бы заранее соглашаясь с тем, что услышат.

Потом по периметру поля, отгораживая его от коров и овец, а также – косарей, появился, возник, встал, как вкопанный, деревянный забор, похожий на гребенку. Высотой в человеческий рост. Как сладко пахли янтарной смолой его новенькие деревянные плашки! Одновременно выяснилось, что на месте поля будет пионерский лагерь. О нет, поле и не думало протестовать, оно лишь внимательно прислушивалось к визгу пил, стуку топоров, гулу экскаваторов, копающих котлованы под будущие здания. Горы вывороченной механизмами земли вначале излучали черную, аспидную сырость и были почти сплошь усеяны розовыми потеками дождевых червей, поспешно покидающих свое потревоженное жизненное пространство. Однако через пару дней земля «садилась», съеживалась, словно бы отходила насовсем, приобретая при этом страшный, серый цвет, почти такой же, как соседка наша поселковая – бабка Сима, преставившаяся на Ивана. Вечерами, когда закатное солнце, смилостивившись, уходило-таки, на краткий покой, поле, словно бы, отдыхало, заливалось языком вечерней прохлады причиненные ему за день обиды и раны, которых с каждым днем становилось все больше и больше...

Зато у мальчишек окрестных, бесшабашных, по-

селковых гаврошей, которым все было в интерес, с тех пор появилась забава новая: ходить по высокому забору на спор – кто дальше прошагает, дольше продержится на высоте, не спрыгнет вниз. Сделать это было не так-то просто, потому, что осуществлению задуманного активно мешали сторожа будущего пионерлагеря, преследуя заборных «ходоков». В такие минуты поле изо всех своих сил помогало преследуемым, запутывая, стреноживая не в меру ретивых охранников своей все еще высокой, еще не везде и не до конца вытоптанной травой, подставляя недругам «подножки» ямками, кочками, выбоинами и прочими неровностями. Сторожа грохались оземь и, матерясь на чем свет стоит, возвращались назад, несолоно хлебавши, в свою дощатую будочку, притулившуюся возле старой дороги, ведущей к заброшенному конскому двору и лесопилке. Поле никогда не злорадствовало над незадачливыми преследователями – напротив, смирением и тактом своим, как бы призывая все без исключения стороны конфликта к осмотрительности и уважительному отношению. А может быть, полю, уставшему от перемен, хотелось хотя бы краткого роздыха, и нешуточные страсти, разгорающиеся вокруг ловких мальчишек и их незадачливых поимщиков, все-таки как-то отвлекали его от тяжелых дум о своем будущем?

В общем, оглянуться не успели, как выросли белые спальные корпуса, как появились многочисленные дорожки, посыпанные где гравием, где – красной кирпичной крошкой; как понаехали на автобусах шумные, горластые пионеры и на флагштоке, расположенном в центре того, что некогда было полем, каждое утро стал подниматься флаг. Лишь тогда, пожалуй, поле стало окончательно сдавать. Глохнуть от музыки, день-деньской льющейся из репродукторов. Слепнуть от прожекторов, освещающих лагерь по ночам. Лишь теперь поле перестало понимать себя, словно ему и впрямь, невмоготу стало жить дальше. Только это теперь никого особенно не интересовало, перестало – и перестало. Не вешаться же теперь!

Лишь иногда, все реже и реже, вспоминало поле о том времени, когда начиналось оно прямо за домами. О том, каким белым было оно зимой и многоцветным – летом. О том, как над ним кружили птицы, порхали бабочки, как пахло оно летним зноем и травой...

А потом и это былем поросло...

ПОКА ЗЕМЛЯ ЕЩЕ ВЕРТИТСЯ...

Валентин КУРБАТОВ,
г. Псков

Как раз об эту пору, в ноябре, двадцать лет назад, в 1991-м году, Виктор Петрович поставил точку в «Последнем поклоне». Начатый в 1957 году светлой и грустной, еще немного литературной «Далекой и близкой сказкой» и бесхитростной почти детской «Зорькиной песней», «Поклон» потом медленно темнел. Свет еще вспыхивал там и там, даже и посреди самых драматических глав (какой бы это был Виктор Петрович, если бы не ухватывался за каждый промельк света, чтобы смеяться, смеяться, как умел только он?), но с годами горечь и тяжесть копилась скорее – родная история постаралась, чтобы сумерки одолели и его золотую, кажется, только радости открытую душу.

Я перечитывал «Поклон» раз пять. И по выходе очередной книги, и когда приходилось писать предисловия к молодогвардейскому, так и не законченному из-за слома перестроечных лет, собранию сочинений, и к отдельным изданиям. И всегда жизнь защищалась во мне и норовила остаться на светлой стороне «улицы». Но Виктор Петрович не пускал к самообману. И скоро я стал замечать, что как я «заупряплюсь», так сама матушка-природа станет на его сторону. Вот, скажем, тяжелее всего мне давалась, может быть, одна из самых страшных глав «Без приюта», где брошенный отцом мальчик (мать утонула раньше) пытается жить один в летней парикмахерской, приворовывая овес у лошадей (надо же что-то есть), а то и кусок хлеба в магазине, топя печку полом (откуда напасешься дров), потому что парикмахерская-то летняя, да на дворе лютая сибирская зима. И вот читаю, как лупит мальчик учительницу в кровь голиком (он спит на уроке, у него вши, и учительница тащит его за шиворот и брезгает им) и не знаю, как остановить мальчика, как не ожесточиться вместе с ним.

А читаю в тепле, в кабинете Виктора Петровича в Красноярске, и подумываю, что можно было бы не доходить до свирепой физиологии. И тут посреди только что солнечного апреля дом разом вздрагивает от налетевшего за окном совершенного безумия. Обрушивается мгновенная тьма. Снег летит горизонтально, рвет деревья с одушевленной свирепостью, сбрасывает птиц, ломая крылья, и, кажется, вот-вот и дом не устоит. Сердце сжимается от бессилия и ужаса. И я вдруг отрываюсь от окна и внезапно совсем не к месту, забыв время и день, думаю: а как там он? Каково сейчас мальчику там, в летней насквозь прорванной ветром парикмахерской с мерзлой землей вместо пола, с мышами, которые норовят пробежать по лицу? И остро понимаю, что писатель еще жалеет меня, чтобы не надорвалось мое набалованное

благополучием воображение. Ну что, дурак, понял?

И потом уже вся смущающая вторая часть «Поклона», вся тьма коллективизации, массового человеческого истребления и навсегда стронутой невозвратной жизни (которую ты и сам как-то особенно жалеешь, потому что застал эту жизнь в «Поклоне» в еще святые часы не поврежденного земного порядка) оборачивается к тебе не отвлеченными страницами учебника новейшей истории, а прямой человеческой бедой. И сразу легко понимаешь, почему Виктор Петрович так ожесточался на «Поднятую целину», за которую, любя «Тихий Дон», не мог простить Шолохова. Это родная Овсянка, искалеченная жизнь всех близких и дальних людей, которые были его вселенной (а по мере чтения становились и нашей), уже не давала уступить правды. В правде мизинец уступи – и нет русского художника. И вот плачь, сопротивляйся, сожми сердце, но уже читай как есть, не обманывая себя другими благополучными книжками, чтобы тебя потом так же не сдернуло тьмой, как закричавших от ужаса птиц за окном.

Заряд пролетел, и мгновенно развиднелось, словно и не было ничего. Но обломанные вершины и разом захламленный лес за окном уже не дали обмануться, что все «примстилось», уже научили тебя не прятать глаза от правды, чтобы не предать овсянских «гробовозов», которых хорошо любить в крепкую пору жизни, да трудно, когда воцарятся «революционные» Болтухины и человека силой потащат к смерти.

Сразу поймешь и почему, как доходит до партийного начальника, так художник забывает чернильницу, а макает перо прямо в помойное ведро и не может остановиться, потому что для него это они, они сломали свет жизни. И как мальчик лупил училку Ронжу голиком: не видела, как топчут на базаре карманников сапогами, как пинают в живот беременных жен мужья, как пропивает последнюю копейку отец, а его ребенок сгорает на казенном топчане от болезни? Не знаешь – узнай, проникнись! Так и этих он тем же голиком: не знаете, что сделали с жизнью? Узнайте!

Сколько он слышал злого после «Проклятых и убитых» не от одних ненавистных «политруков и комиссаров», а и от старых солдат, успевших позабыть в сердце кровь и ожесточение и спасительно обучившихся видеть в минувшем только юность и победу. Сколько сам я корил его за жестокость «Печального детектива», за «физиологию «Людочки», за злые «затеси», где человек был страшен и не видел своего падения. Сами «гробовозы», узнавая себя, тоже нет-нет стучались у его порога: чё уж ты нас так-то? А это, странно сказать, и в нём защищался свет, книжки несчетные, которых он с

детства перечитал видимо-невидимо всегда детским сердцем, свято веря в правду благородных пиратов и «принцев», рыцарей и страдалец. Отчего привычная тьма вокруг, которая успела стать бытом, казалась еще несправедливее и темнее.

Неизживаемая детская, сиротская вечная детдомовская обида до конца дней не могла выгореть в сердце. И если это сердце все-таки не дало ожесточить и потерять себя, то потому, что в свой час успел поселиться в этой душе незаслоняемый свет, что была бабушка Катерина Петровна, были родные страдалцы тетки, было там и там, вопреки злу мира, встречаемое добро, которое он видел, по слову чужого ему поэтикой, но любимого Милорада Павича, «как ястреб цыпленка». И он никогда не пропускал этого добра, чтобы тотчас не отблагодарить, не восславить, не засмеяться при самой малейшей возможности увидеть радость.

Так в нем и жили два человека и писали, как у того же Павича, один мужские, другой женские страницы книг, но зато уж когда они обнимались, то выходили «Ода русскому огороду», «Звездопад» «Пастух и пастушка». И тогда являлось целое человечество его родных, которые теперь и наши родные, вместе с Енисеем, травами и птицами, которых он всех знал в лицо и последним писал их так подробно («доцветали сон-трава, медуница и стародубы, обуглились мать-мачехи, занималось пламя жарков, раздувало пламя дубравных ветрениц»), словно отряжал их нам в духовном завещании, предчувствуя, что мы скоро окажемся в безвоздушном пространстве мертвой умоэлитной литературы, где человек бьется в душевной тесноте офисов и квартир, в которых никогда не открываются окна, потому что, открыв, надо будет уметь написать облако и ветер, жизнь реки и неба, деревья и птицы, которые не зря делят с человеком землю и без которых он только слепая фигура шахматной партии, где белые (а чаще черные) начинают и выигрывают. А мы проигрываем, проигрываем...

...Мне хорошо и грустно читать «Последний поклон». Я знаю стародубы, прижившиеся в его огороде под кедром, и пытающиеся цвести венерины башмачки между окном и заплотом, и «самотеком» проползший на огород курослеп вдоль забора. Знаю, как горбится напротив Овсянки Караульный бык и как возносится над Слизневкой Шалуниным бык, к которому прибило его измытую за девять дней Енисеем покойницу мать. Бревно, на котором мы сживали над Енисеем (я в его великоватой мне рубахе: «Носи, мне мала!»), так и лежит уже сколько лет, не уносимое не знающей ледохода связанной человеком рекой. Разве забор по обе стороны спуска к реке от его проулка покосился и жалица вот-вот сожрет его. А по нему еще хаживала за водой (летом по сорок ведер в день) бабушка Катерина Петровна и уходит на последней странице альбома «Прощание» он сам.

И родные его, слава Богу, все живы для меня. Тетка Апроня (Апраксинья Ильинична) все высматривает из своего окна, кто завернул к Виктору Петровичу («опеть жульнариска?»). И им все хорошо поётся в моей памяти, когда она после «пеньзии» заворачивает к нему с чекушкой. Это у неё, в бывшем бабушкином дворе, я впервые увидел в ведре енисейской воды «живой во-

лос», на какое-то время отвадивший меня лазить в ледяной Енисей («Во, гляди, гробовозы, ничё крытикам не делается. Ничё имя не страшно – поедом потом писателей едят»). И все смеется его счастливый глухонемой брат Алёша («Ви-и-итя!»), без конца чего-то ладивший в его избе и умерший за год до Виктора Петровича («умер, как и жил, незаметно, во сне... Как я теперь в деревне буду чувствовать себя без Алеши?»). И совсем ослепшая тетка Августа всё двигает ощупью чугунки на плите, и я лезу помочь и получаю от него по рукам: Не тронь! Она потом их не найдет. А коли такой добрый, оставайся и живи тут, гуманизм хренов!

И с дядей Кольчей-младшим мы все курум на крыльце после бани, пока Анна Константиновна под лиотаровской «Шоколадницей», вырезанной из «Огонька», накрывает на стол. И когда умирает дядя Коля, все отворачивает, отворачивает его портрет: «Чё всё глядишь, Коля? Скорей бы уж взял к себе».

Теперь все они там, недалеко от него на одном кладбище, и можно, поклонившись ему, поклониться и им, так незаметно и прочно вошедшим в нашу жизнь с «Последним поклоном».

Дал бы Бог еще раз приехать в Овсянку. Я зайду в его избу на улице «Партизана Шшетинкина», немного погоржусь, найдя себя в рамке семейных и дружеских фотографий, обниму его сестер Капу и Галю (от Августы Ильиничны и Анны Константиновны), которые теперь смотрят за музеем. И опять поверю, что смерти нет. Что Виктор Петрович сейчас придет с Енисея, на котором сидит все реже («легкие никуда»), и мы станем пить чай («чай, чай, эту сразу сёдня пить не будем»), а потом он достанет рукопись, взденет очки и станет глуховато и как-то бережно, как чужое (будто каждое слово еще раз примеривает) читать: «Это было в пору, когда все казалось радостным и от жизни ждали только радости. В немислимо яркий, ослепительный день спешил я в родную деревню... И в сердце моем, да и в моем ли только... глубокой отметиной врубится вера: за чертой победной весны осталось всякое зело, и ждут нас встречи с людьми только добрыми... Да простится мне и всем моим побратимам эта святая наивность – мы так много истребили зла на земле, что имели право верить: на земле его больше не осталось». А войдет в книгу бабушка, и он засветится весь – не узнать: «выходило, что сватали Маню на перебой... сколько раз в кошеве приезжал из города сам Волков! А она, раскрасавица наша, чё? Да ничё! Даже на письмо его не ответила. А уж письмо-то было, письмо! Как в старинной книжке писанное – сказывалось все в нем, будто в песне: любоф, любоф, да еще эта, как её, холера-то? Чувства. За божницей долго письмо хранилось, и как наворачивался грамотный человек, она просила его читать. И наревется, бывало, слушая то письмо, да эти враженята, внученьки дорогие, добрались до письма, изрезали ножницами, либо сам искурил. Чё ему чувства? Токо табак жечь да бока пролеживать...»

А я буду слушать со смятением, восторгом, счастьем (даст же Господь дар!) и молить Бога, чтобы это никогда не кончалось, потому что пока живет это слово и этот человек, живы и мы. А уйдет – еще неизвестно, что будет.

Но пока, слава Богу, он читает, читает...

ОТБИВШИЙСЯ ОТ СТАИ

Жанна РАЙГОРОДСКАЯ,
г. Иркутск

1.

– Уф-ф, оторвались!..

Всадник отёр пот со лба и остановил коня. Девочка, сидевшая на седле впереди него, не двинулась – видимо, всё ещё была не в себе. Шутка ли – собаками травили... Совсем озверели.

Збигнев Рох Ковальский был отвратителен сам себе, потому как принадлежал к той же хоругви. Переубеждать соратников не имело смысла. Проще было подъехать, выхватить ребёнка из-под носа у борзых и дать шпоры коню, не обращая внимания на солёные шутки. Пуль на него переводить не стали. Но что ждёт его по возвращении? На самого бы псов не спустили... Слыханное ли дело – сорвал забаву хорунжему...

Товарищи по оружию Збыха не сильно жаловали. Панский сынок, шалопай, плохо представляющий себе истинное лицо войны. Увёл любовницу у магната, завербовался в Россию... Прекрасная дама, кстати, на первых порах была с ним, затем переметнулась к хорунжему, а там и вовсе пошла на повышение...

– Куда тебя отвезти? Где твой дом?

Збых пригляделся к девочке. Лет десять. Русенькая, с ореховыми глазами. Вырастет – будет ничего. Та-ак... Одежда. По лохмотьям, собаками рваным, не разберёшь, но ткань, кажется, дорогая, тонкой выделки лён... Из знати?!

Девочка молчала. Збых спешился и помог слезть добыче. Девочка испуганно повиновалась. Збых нравилась чужая покорность, и в то же время он до донышка понимал собственную глупость. Отбившийся от стаи одиночка, он почти так же слаб, как и она, несмотря на пистоль и саблю.

Збых вынул из кармана завернутый в платок кусок хлеба с салом, рассёк ножом. Девочка несмело взяла свою долю. Збых решил, что пришла пора познакомиться. Он приложил руку к груди и произнёс:

– Збых.

Девочка повторила его жест и сказала:

– Дуня.

Та-ак, это мы поняли...

Ножом на влажной земле Збых нарисовал домик, затем показал пальцем на Дуню и развёл руками. На сей раз Дуня, кажется, поняла. Она указала влево.

Збых посадил девочку на коня, уселся сзади и тронул поводья. Доброе дело следовало довести до конца. Отвезти ребёнка домой, ссадить с седла – и бежать...

2.

Страх накатывал на Дуню волнами, а затем отпускал. Ещё утром ей казалось, что война – это игра, а ляхи вроде ряженых. И когда старший брат Ивашка отправился в лес – то ли глянуть на ляхов, то ли связным к шишам, – Дуня увязалась за ним, правда, тайком и на почтительном расстоянии.

И угодила в самое пекло. Кто-то из ляхов спустил собак на Ивашку, кто-то – на Дуню... Дети побежали в разные стороны... Неподальёку, к счастью, громыхнул пушечный выстрел, один, другой... Заржали кони, закричали люди... Но охотники за детьми не прекратили забавы. Дуню собаки успели пару раз цапнуть, и тем бы дело не кончилось...

Как вдруг кто-то властно поднял девочку вверх, усадил на седло и пустил коня в галоп. Дуня оглянулась на спасителя, уразумела, что он из ляхов, и замерла...

Потом, на привале, Дуня исподтишка разглядела похитителя. Если бы не усы, ему можно было дать лет пятнадцать. Невысокий, светленький... Дуня вспомнила поговорку «маленькая собачка до старости щенок», забылась и улыбнулась. Пожалуй, этот человек был даже красив...

При этой мысли страх снова накатил на Дуню. Что, если?!..

Но тут Збых присел на корточки и стал чертить на глине домик. Страх отвязался...

3.

Из-за деревьев послышалось:

– Ищи её теперь, кобылу! Поди пойми, сама удрала или увели! Да ещё ляхи кругом!..

– Не трусь! У тебя пистоль, у меня аркан...

– Ты его кидать-то не разучился?

– Пёс знает... В плену-то, чай, давно был...

– А что, татары учат рабов аркан кидать?

– Так я пастухом был...

Дуня повернулась к Збигневу и прошептала:

– Я дома. Это бати моего люди.

Збых скорее почуял общий смысл, чем понял слова. Он спрыгнул с коня, помог слезть Дуне.

– Васька! Трофимка! – закричала девочка.

Дальнейшее заняло от силы полминуты. Один из холопов вскинул пистоль... Промахнулся... Шляхтич, сообразив, что мужики опасны, прицелился... Дуня, не будь промах, толкнула спасителя под руку... И не сразу поняла, почему Збых, выронив дымящееся оружие и покраснев лицом, потянулся к шее, затем рухнул на колени и повалился на бок...

...Васька с Трофимкой не могли удержаться от смеха. Правда, вместо хозяйской лошади изловили чужую. Но Дунька! Но шляхтич!

- В зубы ему, что ли, заглянуть, – веселился Васька.
- Всё равно кобылу не нашли...
- Не трожьте его! – рассердилась Дуня. – Он меня спас!..
- Как?! От кого?
- От своих, – глядя в землю, пояснила хозяйская дочка. И только тут разревелась.

4.

Ну, вот оно и произошло. Судьба за него решила.

Збигнев почему-то был уверен, что жизни его не лишат. На галеры тоже вряд ли продадут – далековато, хотя чёрт их знает, этих москалей. Большой выкуп родичи не соберут – не из чего.

Он шёл обезоруженный, связанный между двумя чужими холопами. Один из мужиков вёл в поводу его коня, другой держал за руку Дуню. Дуня грозила:

- Вот ужо батя вам даст! Лях меня спас, а вы его...

Добрая душа всё-таки, подумал Збигнев. Жаль, что никто её не послушает...

За поворотом дороги, на холме, показался большой деревянный терем за частоколом. Дуня подбежала и забарабанила в ворота кулачком. Непотопляемая...

Ворота отворились. Пленного ввели во двор.

На крыльцо терема вышел немолодой темноволосый бородач в зелёном аксамитовом кафтане. Лицом хозяин походил на Дуню.

Дочка подбежала к отцу и что-то затараторила по-русски. Ковальский закрыл глаза...

И тут же ощутил на плече властную хозяйскую руку. Казалось, боярин норовил и уважение выказать, и мускулы пощупать. Ковальский решил не вырываться. Чего уж теперь...

– Ну, здравствуй, – сказал наконец боярин. Рябой мужичонка – видимо, толмач – перевёл.

- Здравствуй и ты, – ответил шляхтич.

– Мой сын сегодня спасся чудесным образом, – продолжал боярин. – Ваши его травили собаками...

Ковальский перекосялся от стыда, как от боли.

- Как... тоже?!..

– То-то и оно. Но тут рядом началась перестрелка. Кто-то из ляхов отвлёкся, затем и шиши подоспели. И Ванюха сбежал. Тебе повезло. Если бы я потерял наследника... – боярин махнул рукой. Ковальский кивнул.

- У тебя дети есть?

– Нет.

- А чего Дуньку спас?

– Не люблю я, когда людей собаками травят.

- Та-ак... А на нас чего полез?

– Я не знал... Не понимал, что такое война... да ещё с иноверцами. Думал, так... лихая игра... Всё равно все там будем...

- А вера при чём?

– При том, что мы людей в вас не видим, – сказал

Ковальский, глядя в небо. Похоже, он просил у неба поддержки. Возможно, в последний раз.

- Та-ак... Развязать!..

Верёвки упали на землю. Ковальский принялся разминать затёкшие руки.

Боярин прищурился. Дуня, хорошо знавшая отца, поняла – батюшка что-то задумал. Что-то хитрое, но не жестокое.

– Я благодарен тебе за спасение дочки, – сказал хозяин. – Пойдём, отпразднуем? Выпьем, попируем... Ты, наверное, голоден? Не бойся, не отравлю!..

Ковальский кивнул. В его серых, с золотым ободком глазах благодарность сменилась безразличием. Пленный гость поднялся на крыльцо. За ним шёл хозяин, а за хозяином – отличившиеся холопы и переводчик. Все пятеро скрылись в доме.

5.

Дуня притаилась под окном трапезной и обратилась в слух.

– Слушай, маленький, ты же хороший человек! Что у тебя общего с этими выродками?

- Родина! Польша!

– И ты хочешь, чтобы твою родину дальше позорили? Подставляй чарку!

- Не надо... Мне хватит...

– Не противься! Уважь хозяина! Слушай, я всегда восхищался воинским искусством Запада... Нам до вас, как до луны... Так каким оружием располагает твоя хоругвь?

– До луны... Скажешь тоже... Не так-то плохо вы воюете... Ну, что там... Три пушки, десять мушкетов...

- На Москву путь держите?

– Нет, на Рязань...

- Когда?

– Послезавтра... Пся крив!..

Обеспокоенная Дуня заглянула в окно. Её спаситель сидел, закрыв лицо руками. Плечи поляка вздрагивали. Отец наклонился над пленником, как знахарь над болящим, и, похоже, утешал его.

– Ну что ты, парень... проболтался, и ладно. Это водка тебе язык развязала. Молчал бы – пришлось бы пороть, а то и вовсе пытать. Обрати тебе всё равно ходу не было... Из-за Дуньки...

Пленник отнял руки от лица. Надо же, удивилась Дуня. Ревёт... Но презрения к рохле-избавителю не было. А вот жалость кольнула.

Ковальский тем временем протёр глаза и постарался придать голосу твёрдость.

- Что теперь со мной будет?

– На выкуп, говоришь, денег нету, – поскрёб в бороде боярин. – Что ж... Придётся тебе работать.

Ковальский покраснел.

- В холопы берёшь?!..

– Да нет. Во-первых, ты дворянин. Во-вторых, Дуньку спас. Так что продавать, менять или пороть не буду. Решу наказать – на хлеб и воду посажу, под замок. После войны, может, и домой отпущу. Но не раньше. Сбежишь – убью.

– Поймай сперва! – огрызнулся Ковальский.
– Да ладно, уже поймал. Но если кто издеваться начнёт – говори мне. Мокрое место оставлю. И так, умеешь ты делать что-нибудь полезное?
– Я дома ковкой оружия увлекался. Сабли, ножи, палаши и тому подобное.
– Отлично. Завтра покажешь своё искусство. А пока отоспись. Кстати, – боярин запнулся, – может, тебе бабу подобрать?
– А что, – Збых помедлил, – найдётся желающая?
– Да кто её спросит?
– Я спрошу.
– Ух ты... Ладно, выберу ту, которую вами, ляхами, не обожгло. А теперь иди. Тебя проводят.
...Дуня поспешно ретировалась из-под окна. Отчего-то ей было грустно.

6.

Прошло семь лет.

– По-со-би-те!..
Нога ещё не распухла, но адски болела. Гадюка уползла. Дуня понимала, что до дому не дойдёт, а людей поблизости не было.
– Чего стряслось?
Человек, появившийся из чащобы, был Дуне странно знаком. Светлые волосы... Серые глаза с золотым ободком... Невысокий рост...
– А ты не видишь?!..
– Погодь...
В руках встречного появился нож. Чиркнув крест-накрест, незнакомец припал губами к ранке. Сплюнул. Снова припал. Опять сплюнул. И тут Дуню осенило.
– Збых, ты?!..
– Я.
– Разве отец тебя не отпустил? Война же кончилась!
– А мне уже что воля, что неволя.
– Почему?
– Скажу честно – мне было проще сабли ковать, чем смотреть на издевательства и не вмешиваться. А сейчас... добираться далеко.
Вместо усов Збых отпустил бородку. И одет он был по-простому, но повадки остались дворянские. То же презрение к опасности...
– Слушай... У тебя ранок во рту нет? Зубы здоровые? – запоздало встревожилась Дуня.
– Поглядим. Двум смертям не бывать...
– Но почему я тебя раньше не видела?
– А я на отшибе живу. Кузнечным делом занимаюсь.
– Ты один? – полюбопытствовала Дуня.
– Не жалуюсь, – неопределённо ответил Ковальский. И пояснил: – Женщины любят воинов. Даже бывших. А я ещё и умелый...
– Отец тебя ни разу не порол? – осведомилась Дуня.
– Нет. Он многое мне прощает. Скорее уж мужики обухом отоварят...
– Отнеси меня домой, – попросила Дуня.
– Далековато, – присвистнул Ковальский. – Давай уж ко мне, а там я сам схожу за подмогой.

Дуня опустила ресницы. Ковальский бережно взял её на руки и понёс.

– А ведь ты меня второй раз спасаешь, – улыбнулась Дуня. – Какой награды желаешь?
– Сказал бы я...
– Скажи! Не бойся! Ты же воин! – веселилась, превозмогая боль, Дуня.
– Поправься сперва!..
– А если поправлюсь и зайду в гости, а?
– Смотри! – Ковальский прищурился. – Если что случится – тебе монастырь, мне петля. Ты понимаешь это?
– Ты у меня не первый, – тихо сказала Дуня. – Я не девка.
Збигнев даже остановился.
– Интересно... И кто же был первым?
– Неважно. Важно другое. Когда меня укусила змея, он сбежал. Испугался, что будут допытываться, как мы оказались вместе, в лесу... А ты пришёл. Хочу вознаградить тебя, понимаешь?
– А отец знает?
– Никто не знает. Этот, если что, отопрётся.
Ковальский наклонил голову и поцеловал Дуню в губы.

7.

Месяца через три Ковальский пришёл к хозяину.
– Дуня в тягости, – сказал Збигнев, глядя в слюдяное окно, будто вновь просил поддержки у неба. – Позволь нам не расставаться.
– Но как ты посмел?!..
– Она сказала, что хочет отблагодарить меня за спасение.
– И ты не мог отказаться?!
– Зачем же обижать хорошую девушку?
Видимо, Ковальский мимовольно ухмыльнулся, потому как боярин не удержался и дал ему по лицу. Шляхтич спрятал руки за спину, чтобы не дать, ненароком, сдачи, и сказал:
– Бей ещё. Только не разлучай.
Оба думали о своём.
За одно и то же дважды не карают. Врезал родственному, значит, навряд ли повесит, запрет или продаст.
Похоже, он её любит, зараза. Надо же, это не только в песнях бывает. В округе отлично знают, что Дуня – оторва, вряд ли найдётся достойный жених, да и не для неё это – в четырёх стенах сидеть...
– Вот что. Или принимай православие и венчайтесь, или прощайся с жизнью, дурак!
– Я согласен.
– И пусть она идёт к тебе, в твою развалюху! В терем я вас не пушу!..
– Хорошо.
Ковальский сдержанно поклонился (руку целовать за годы неволи он так и не выучился), и, потирая синяк под глазом, вышел.
– Станный парень, ей-богу, странный, – шептал боярин. Сам бы он и в плену вёл себя совершенно по-другому. Но в мире, наверное, всякие люди нужны...

...ЭТИ ПАРНИ ВЕРНУЛИСЬ ИЗ БОЯ

Василий САМОТОХИН,
г. Санкт-Петербург

Некоторые встречи с теми, кто воевал «за речкой», постепенно забываются, а иные... Иные до того остаются в памяти, что через годы несёшь подаренные тебе рассказы, боль или сомнение. Спасибо вам, боевые друзья! Спасибо за ответы на саднящие душу вопросы. Очень трудно было решиться написать о вас, ведь на бумагу «по итогам» таких встреч ложатся не столько факты, сколько личные впечатления. И не решиться невозможно. Потому что люди, прошедшие горнило Афганистана, в подавляющем большинстве настоящие герои. Те, с кем я общался, за годы службы там испытали всякое. Поняли самое важное для себя: в самой сложной ситуации нельзя опускать руки, надо бороться, надеяться на плечо друга. Они умеют дружить и знают истинную цену мужскому товариществу.

Песню Владимира Высоцкого «Здесь вам не равнина» **подполковник Виталий Седых** слышал в молодости не раз. Но не предполагал, что служить ему придётся именно в горном крае – на опасной, военной тропе. Точнее, в Афганистане. Впрочем, об этом пограничник ничуть не пожалел, справедливо считая, что в суровых испытаниях куётся настоящий мужской характер, познаётся истинная цена дружбы и взаимовыручки. А испытаний на его долю выпало немало. Нередко сам подвергался смертельной опасности. Подполковник Седых такие операции в Афганистане проводил, что их хоть сейчас в пограничные учебники включай для изучения. Виталий Викторович готовил настоящих солдат, пусть они и падали от усталости после занятий, но на боевые задания уходили подготовленными. Офицер делал всё возможное, чтобы сохранить жизни своим подчинённым, и многие из них по сей день благодарны своему командиру. Уважали его пограничники за ум, силу, за военную хитрость. Именно таким офицерам, как Седых, посвящали поэты свои строки:

*Он не выцезивал ни почестей, ни рангов,
Могли они еще за ним пройти
Сквозь бой любой и тысячи салангов.*

И сегодня генерал-полковник Виталий Седых считает, что пограничники достойно выполнили

свой воинский долг в Афганистане и их служба — прекрасный пример мужества и доблести, на который будут равняться новые поколения воинов границы.

Генерал-майор Валерий Розов. Настоящий замполит, умелый воспитатель подчинённых, который действовал в Афганистане по принципу: тяжело в учении — легко в бою. Он всегда с гордостью говорит о своих подчинённых. Ни один офицер, ни один солдат не нарушил присягу. Генерал-майор Валерий Розов подчёркивает, что служба в Афганистане для него прежде всего память. Большей частью хорошая, светлая. Хотя были и «чёрные страницы»: лилась кровь, погибали близкие товарищи.

Полковник Александр Великий в настоящее время является заместителем начальника отдела кадров Пограничного управления ФСБ России по Приморскому краю. Свой профессиональный великий опыт приобретал в боевых условиях. Жизнь на войне приучила к упорству, умению решать все вопросы по принципу: сказано — сделано. Накануне Дня воина-интернационалиста он адресует слова благодарности своим сослуживцам. За мужество и верность воинскому долгу, за то, что там, в Афганистане, никто не струсил и не предал своих товарищей.

Полковник запаса Анатолий Смирнов служил в составе 6-й афганской погранбригады, дислоцировавшейся в горной пустыне провинции Заболъ. Время службы советником в Республике Афганистан осталось в душе незатягивающейся зарубкой — поэтому всё, что пришлось ему там испытать, заставило взяться за перо. У него вышла книга, посвященная событиям в Афганистане.

Семь лет службы **полковника Николая Трояна** были связаны с подразделениями, выполняющими свой воинский долг в Афганистане. Старший инструктор по спецпропаганде политотдела округа, заместитель начальника политотдела Пянджского пограничного отряда, секретарь партийной комиссии при политотделе оперативной группы г. Душанбе — это воспитание личного состава в духе верности боевой присяге, стойкости и мужества,

участие в специальных операциях по разложению бандформирований и отрыву от них афганского населения, боевые рейды и проводки колонн. Награждён двумя орденами, медалью «За боевые заслуги», звание полковника получил досрочно. В настоящее время активно выступает перед молодёжью, рассказывая, что на войне новичкам помогали не на словах, а на деле. О «дедовщине» там вообще не могло быть и речи — ведь все делили поровну и ели из одного котла. Не секрет, что многие солдаты там менялись. Кто бравировал здесь — там тушевался. И наоборот. Бойцы попадали совершенно в иные условия, где дисциплина держится в большей степени не на букве устава, а на совести и долге перед сослуживцами. Одна оплошность, идущая от безответственности, может повлечь за собой гибель других людей. Обстрелянные офицеры учили молодёжь всему тому, что должен уметь солдат делать на войне.

Подполковник медицинской службы запаса Андрей Мамошин — профессионал высокой квалификации. В Афганистане был военным хирургом. Спас жизнь не одному офицеру и солдату. До сих пор трудится в военной медицине, успешно оперирует.

Из первого выпуска Голицынского высшего военно-политического училища в Афганистане отличился **Анатолий Селеверстов**. Он был заместителем начальника ММГ «Ташкуртан» по политчасти. Уезжал в Афганистан из Камень-Рыболова, по возвращении в родной округ дослужился до заместителя начальника пограничного отряда.

С честью выполнил свой воинский долг **заместитель начальника ММГ «Имам-Сахиб» по политчасти Пянджского пограничного отряда Сергей Козлов**. За свои подвиги он награждён орденом Красной Звезды и боевой медалью. Уволился в запас в должности начальника пресс-службы регионального управления в звании подполковника.

Полковник Николай Троян рассказал мне о двух боевых офицерах из Тихоокеанского пограничного округа. В октябре 1988 года, когда бандформирование Хафиза Арбоба численностью более 1000 человек атаковало Кайсарский пограничный гарнизон, в мотомангруппе отсутствовали начальник ММГ и начальник штаба. Возглавил оборону заместитель начальника мотомангруппы по политчасти **майор Николай Ветошкин**. Три дня руководил он боевыми действиями под обстрелом. Пограничники не только выстояли против превосходящего в десять раз противника, но и не потеряли ни одного человека. Майор Ветошкин награждён орденом Красного Знамени. К званию Героя Советского Союза был представлен **капитан Николай Дубчак**. Пограничники брали во всём пример с заместителя начальника ДШМГ по политчасти капитана Дубчака. Бывший заместитель начальника заставы

«Чехов» Сахалинского пограничного отряда капитан Дубчак показывал на афганской земле примеры отваги и доблести.

В Афганистане ходили легенды о **лейтенанте Сергее Угловском**. Пограничники верили своему командиру, он — им. Ставилась боевая задача — и выполнялась. Да выполнялась так, что душманы бросали свои позиции. Знали, что подчинённые этого офицера воюют так напористо и умело, так бесстрашно и зло, что против них устоять нет никакой возможности. Никакой! О рукопашном бое вообще речь у душманов не шла, они знали, что «погранцы» осият любого, кто встретится им на пути. Это его солдаты и сержанты прикрывали своими телами офицеров, а офицеры делали всё возможное и невозможное, чтобы сохранить жизнь своим подчинённым.

И сейчас кавалер двух боевых орденов **полковник Сергей Угловский** служит примером для личного состава. Он способен защитить и государство, и себя. Это полностью соответствует его характеру настоящего бойца.

Полковник Виктор Поскачей рассказал мне о том, каким боевым офицером был кавалер ордена Красной Звезды полковник Владимир Сокарев. Моджахеды обещали за его голову огромные деньги, потому то Сокарев был советником высшего класса.

Полковники Олег Драч, Алексей Наумов, Владимир Сидоренко, Евгений Кручинин, Александр Домашов, Василий Масюк, Виктор Еремицкий, подполковники Борис Смирнов, Вячеслав Мельниченко и многие другие ветераны «афганцы» стоят крепко, плечом к плечу. Они понимают, что только так можно выстоять и победить. Накануне Дня воина-интернационалиста они собираются вместе и вспоминают свои молодые годы и своих боевых товарищей. В разговорах упоминаются Калайи-Хумб, Рустак, Куфабское ущелье, Мармоль, Тахта-Базар, Чехиаб, Мары, Душанбе, Ашхабад, а также фамилии **генерала армии Вадима Матросова, генерал-лейтенанта Геннадия Згерского, генерал-майоров Карпова, Коробейникова, Мартовицкого**. Ветераны слушают знакомые названия и молодеют душой. Что бы ни говорили сегодня, а солдатский долг в Афганистане они выполнили честно и до конца.

*...Им подайте воды,
Можно фляжку вина,
Губы их
Почернели от зноя.
И замри на минуту
В молчанье, страна,
Эти парни
Вернулись из боя.*

ДОВЕРЯЮ ОДИНОЧЕСТВУ

Иван ТАРАН
г. Омск

* * *

Я услышал гудение города,
Увидел раннее утро.
Низкий луч в мою проникнул
комнату,
Словно в дом освобождённого
преступника.

Весь день шумели
солнечные ветры,
Обычные для конца мая.
Мы были ожиданием согреты,
И что-то важное
снова начиналось.

Никто из нас не заметил вечера,
И весна перешла в молодое лето.
Открывались деревянные
двери,
Бежало куда-то время.

* * *

Закачались ночные деревья,
Зашумела, как в мае, листва.
Мёрзлы травы, и листья старели.
Ни одна не светила звезда.

Что-то с неба, волнуясь, летело,
И снежинки послушно легли
На прекрасное спящее тело
Первозданной сибирской земли.

Это снег, торопливый и мелкий,
Тот, что изредка пахнет весной.
Я увидел себя в колыбельке
Нерождённой печальной
звездой.

* * *

Что происходит вечерами
в преисподней?
Светило злого разума уходит
В страну далёких стен,
И целый светлый ад
сдаётся в плен.

Надежды нет, а воздух
бесприютный
Ведёт за окнами
томительный рассказ
О странности вечернего
маршрута
В страну далёких стен,
отрадную для глаз.

НОВОГОДНЯЯ ЭЛЕГИЯ

Последнюю эту песню
Вы поймёте, наверное.
Будут её слова ни о чём.
Мы вдалеке от поучающей
черни.
Сегодня праздник.
Просто помолчим.

Жизнь моя похожа
на карту города.
Если что и вспомню,
то город, улицу, дом,
Проклятый берег реки,
на котором,
Накрывшись газетой,
спал под кустом.

Вот старый дом,
где задавали вопросы.
Вместо благодарности
я честно ответил: «Нет».
Серебристые провода,
фонари и звёзды –
Без этого не представить
морозное небо.

* * *

Невозможно теперь не понять,
Где истоки вселенской печали.

Ничего нам не хочет сказать
Жизнь, которую мы замолчали.

* * *

Не стреляли в упор –
Затолкали толпой.

Не убили словами –
Говорить не давали.
Доверяю одиночеству.
Я теперь спокоен:
Ни друзей, ни Родины,
ни творчества –
Только встречи со знакомыми.

* * *

Кто ответит?
Немного нас.
Кто растерян?
Я буду с ним.
Мой губительный декаданс,
Мой осмеянный романтизм...

* * *

Сквозь голубое стекло автобуса
Я увидел
Серое небо.

НОВАЯ

Маленькая берёза
У дороги выросла из унитаза.
От неё улетели последние
Листочки разные
С мушинными большими глазами.
Среди листков был один
Глазастый бумажный самолётик.
Людские толпы мимо шли,
Стекались на базар,
Чтобы предстать
перед солнечным оком
Там, где раскинулись
огромной свастикой
торговые ряды.
И кто-то крикнул, заметив,
Что город горит.

* * *

Я с краю, но это не суть, а роль.
Я – оклеветанный победитель,
Преодолевший взрослость
И научившийся видеть.

НАД ПРОПАСТЬЮ ПРОМЧИСЬ

Александр ЕГОРОВ,
г. Владивосток

* * *

1. Весь мир тяжёл и безглаголен,
Тускнеет света полоса.
Ворон с ближайших колоколен
Почти не слышны голоса.
Какие есть – неразличимы
На самый изощренный слух.
Давно не знаем, с кем и чьи мы,
И интерес в глазах потух.

2. В игре азартной –
чёт на нечет –
Опять две истины сошлись,
И стало ясно: крыть нам нечем,
Проспали родину и жизнь.
Взыскав истины небесной,
Готовые на смертный бой,
Над чёрною повисли бездной,
Тряся повинной головой.

ВЕЧНОЕ...

В России гольтьба –
Доселе под кнутом,
Сневолила судьба
Кобылу – с хомутом.
У пристани челнок
Ещё с зимы стоит,
Потерянный щенок
От голода скулит.
Быть бабе на сносях,
А гончару с горшком,
А страннику в лаптях
Всю жизнь ходить пешком.
Солдату ждать войну,
Держа ружьё в руке,
Выть волку на луну,
Быть пьяни в кабаке...

ПРО СОРОК СОРОКОВ

1. Пока последний гвоздь
не вбит
(какой? – надеюсь, ясно),
Запечатлеть хочу наш быт,
Поскольку он прекрасный.
Пока тверда моя рука,
Не огрубела кожа,
Лети из-под пера, строка,
Труды и жизнь итожа.

2. Про сорок грозных сороков
(не сорок бочек арестантов!),

Боясь немислимых сроков,
Я повторять не перестану,
Поскольку наша жизнь – кино,
А мы – безвольные мультяшки!
Пьём самопальное вино
И друг на дружке
рвём тельняшки.

3. Сквозь сорок сороков
Крушений и тревог
Грядёт известный срок
Правдивых, честных строк.
Кто истину вязал,
Плёл сети из речей,
Не пустят в светлый зал
Вралей и стукачей.

4. Чем лучезарней высь,
Зигзаг пути былого –
Тем выпреннее мысль,
Витиеватей слово,
Которое дано
Нам, как кирза, на вырост,
Где котлован давно
Под зданье счастья вырос.

* * *

как славно пить в ночи
анисовую водку,
а градус понижать
припасенным ледком,
и чтоб не простудить
натруженную глотку,
подогревать её
горячим матерком,

чтоб ощутить в крови,
как отступает время
с Шантарских островов
на жаркий материк...
ты не один, как перст,
тебя встречает племя
сородичей твоих,
даруя счастья миг...

быть равным среди них
в набедренной повязке,
а для прилива сил
отлавливать форель,
для продолженья рода,
сочиняя сказки,

подыгрывать подруге
в дудочку-свирель,
пока не рассветёт
и утро не настанет,
петух не прокричит
своё ку-ка-ре-ку!
Ты встанешь с лежака,
откроешь в небо ставни
и, если хватит сил,
согреешь кипятку...

К ДУШЕ

/Триптих/

1. Пока ещё не трезвая,
Сторожко, не спеша,
Пройдись, душа, по лезвию
Безумного ножа.
Поставь на волю случая,
Над пропастью промчись,
С горы по льду трескучему
В земную жизнь ворвись.
По кабакам, над бездною,
В степи, по целине,
Пройдясь стопой победною, –
Останешься в цене.
Из стада (ты, оболганный)
Рвануть не хочешь вплавь, –
Тогда в геенне огненной
Пойдёшь на переплав.

2. В прореху канула копейка,
И нет зелёного бабла.
Судьба, настырная злодейка,
Сычом глядит из-за угла.
Плывёт сентябрьское солнце
По известковому панно.
Гундосит радио прононсом,
Сучит судьбы веретено.

3. Походил, погулял человек,
На скрипучей дуде почудил,
Волчий прикус
на шкуре овечьей
И под кожей мороз ощутил.
Водку брагой хмельной
пободяжил,
В час полночный романсы
попел,
Так, свою судьбою бродяжьей,
Неизбежный заполнил пробел.

ТАЙНЫЙ МЕТРОНОМ

Вячеслав ПРОТАСОВ,
г. Владивосток

МАРТ

Меланхоликам
этот воздух
пить с рассвета бы дотемна.
Точно в срок –
ни рано, ни поздно –
обещается быть весна.

И всё ближе, всё ближе
к дому
с юго-западной стороны
грач,
шагающий по чернозёму, –
полевая почта весны.

*
Вечные раздоры поколений
над холмами времени летят...
Дремлет мать,
и сладко на коленях
засыпает светлое дитя.

Тесным огорожены простором,
где двоим лишь место у огня...
Злые ссоры, споры и раздоры –
всё потом.
Позднее.
Чур меня!

КЛЮЧ

Камни ближних и дальних стен
человечьей согреты душою.
Не далёкое,
не чужое
даже княжество Лихтенштейн.

Вся Земля –
от песков до льдин...
Но на ощупь такой знакомый
ключ простой
от родного дома
в связке тысяч других –
один!

*
Как искусство дышать –
не навеки
Божий дар –
до внезапных остуд.
Сиротливо слова-калеки
просят милостыню на мосту.

Под ногами скрипит дощечка.
Фонари вполсилы горят.
...Усмехаясь,
несётся речка
в океаны свои и моря!

ТАЙНЫЙ МЕТРОНОМ

Не по грибы,
не на этюды,
жалая нытиков и сонь,
мы открываем двери
в чудо
поющих утренних лесов.

Войти
и замереть от свиста,
и там застыть с раскрытым ртом,
где от ночного ливня
в листьях
оставлен тайный метроном.

*
Прольётся сверху дождь
обильный,
пробьёт осевший чернозём.
Кляня погоду,
червь могильный
через меня переползёт.

А мне
под холмиком плакучим
вдруг так захочется,
назло,
чтоб солнце глянуло сквозь тучи
и что-то рядом проросло!

ЗРЕЛОСТЬ

Выросли! –
поплакать не заманишь.
Гнев и ярость? –
сколько лет и зим!
Сонными ленивыми сомами
нехотя усами шевелим.

Рыбья кровь –
особенная жидкость.
Рыбье слово – золото.
И – молчок.
...Но какая славная наживка!
Ах, какой волнительный крючок!

АВГУСТ

...И колкость душистого сена.
И тяжесть усталой руки.
Деревьев недвижные стены.
Застывших ветвей потолки.

Лежать до рассвета
и слушать
сквозь летние душевные сны
зелёные песни лягушек
да белые песни луны...

*
Склонилась молча над вещами,
и снизу –
виноватый взгляд.
Пилюлю горькую прощанья
красиво золотил закат.

Сирени запах –
на полмира
от тонкой веточки в руке.
И поезд –
мимо... мимо... мимо...
Так и растаял вдалеке.

*
Всё о ней,
о ней,
о ней –
даже между строчек.
Дни длинней,
длинней,
длинней,
встречи – всё короче.

Скоро выпадет снежок
на дорожки прошлые.
Молча пью
на посешок,
да за всё хоршее...

НЕ СТАНЕМ «ИВАНАМИ, НЕ ПОМНЯЩИМИ РОДСТВА»!

Тамара КРЫЛОВА,
г. Конаково

Конаково и Конаковский район Тверской области, – по замыслу нашего руководства, – должны стать в ближайшем будущем туристическим центром Верхневолжья. В Конакове идут масштабные работы на центральной площади. Первые этажи жилых домов на главных улицах перестраиваются под магазины и офисы. Одним словом, идет благоустройство по западному образцу. Хотелось бы знать: эти преобразования осуществляются стихийно или по какому-то единому плану? Где бы увидеть, как же будет выглядеть мой родной город через несколько лет? Должны ли местные власти по закону советоваться с жителями по поводу ключевых изменений в городе?

Да, город стал чище, выглядит более современным и в целом это радует, но только ли «западным» благоустройством можно привлечь туристов, отечественных и иностранных? У последних этот «рай» цивилизованный давно есть и вряд ли будет им интересен. Но ведь свои памятники – даже не самые интересные, значимые и не очень древние – на Западе берегут, сохраняют и реставрируют. Почему же мы эти положительные примеры не перенимаем, а только торопимся разрушить?

Памятниками старины наш город и район не богаты, да и «что имеем – не храним, потерявши – плачем». За последние годы столько всего разрушено и потеряно! Сгорела (или сожжена) деревянная дача Готье («Дача Кузнецова») на знаменитом мысу при впадении Донховки в Волгу – образец стиля «модерн» начала XX века. В плачевном состоянии старинное каменное здание на Набережной Донховки – первый культурно-просветительский центр, кинотеатр, городской театр-клуб, где ставились первые спектакли, звучала музыка и песни, – Народный дом (еще называемый «за'мок» за свою необычную архитектуру), построенный также в начале XX века. Старейший фаянсовый завод, флагман мирового производства фаянса, перестал существовать, а вместе с ним уничтожен уникальный, единственный в мире музей фаянса, в котором за почти 200 лет существования завода были собраны образцы изделий известных художников и скульпторов, знаменитых мастеров фаянса. Старинное здание завода сейчас в плачевном, полуразрушенном состоянии. А ведь все это – наша достойная История, наша Гордость и Слава! Вот что могло бы привлечь интерес и кошельки туристов. Более того, все эти здания являются памятниками истории и культуры Тверской области, имеют соответствующие номера в реестре. И даже это не спасло их от современного «цивилизованного варварства».

Богатейший музей фаянсового завода, с огромным количеством единиц хранения и баснословной стоимостью, «уплыл в неизвестном направлении». Так случилось, что он не был оформлен как музей и с банкротством завода просто исчез – абсолютно достоверной информации о нем сейчас не может дать никто. Теперь местные власти пытаются возродить его заново, создать на пустом месте путем покупки у населения остатков черепков. Центральная библиотека для этой благородной цели представила лекционный зал, да ведь ретивые скупщики уже давным-давно обошли все квартиры и дома в городе и окрестностях и выудили все, что можно. Даже битые изделия покупали, чтобы потом реставрировать или использовать как образцы. А надо вернуть музей городу, все его экспонаты! Здесь его место!!! Ведь это – наше, народное достояние. Многие старожилы города передавали свои уникальные старинные вещи в музей родного завода в дар или в обмен на современные изделия. В Тверской картинной галерее, куда, по слухам, были переданы сокровища фаянсового музея, мы, посетители, видели в экспозиции всего с десяток изделий.

Если на исконном месте, в стенах исторического здания фаянсового завода, музей уже нельзя восстановить, нужно построить новое здание или разместить в другом подходящем здании, но непременно надо вернуть, восстановить наш народный музей, гордость, главную историческую ценность города, проявить настоящую заботу о сохранении нашего духовного богатства, а значит, и о людях! Необходимо сохранить памятные исторические места, имена достойных людей, внесших вклад в развитие нашей родной земли, имена героев, защитивших Россию от врагов, чтобы дети, внуки, правнуки могли гордиться своей малой родиной, не были «Иванами, не помнящими родства». Детям и внукам нашим есть с кого брать пример, на кого равняться и кем гордиться. Неужели мы так и будем плестись на поводу у Запада, перенимая и усугубляя их пороки, теряя свое исконно-русское лицо, свою национальную неповторимость?

Конаково расположено в очень красивой, живописной части Верхневолжья: рядом с городом – прекрасный знаменитый заповедный Конаковский бор, водная ширь красавицы Волги, уникальные острова, болотные озера. Но эти природные ландшафтные жемчужины нашей природы находятся под постоянной угрозой уничтожения. Берега Волги захвачены, поделены и застраиваются до самого уреза воды, вопреки закону и здравому смыслу. Даже бор начали вырубать по краям для коттеджей!

Давно не приходилось бывать в дер. Заборье. Впечатление удручающее: вместо веселой, открытой всем ветрам деревушки на берегу Волги – длинный мрачный коридор из глухих трехметровых заборов, упирающийся в железные ворота с большим замком. И такое положение почти по всему побережью. В деревнях Плоски, Свердлово и многих других уже не первый год идёт постоянная война между дачниками и нуворишами за право подойти к воде, искупаться.

Есть еще одно историческое место, достойный ландшафтный и исторический памятник в нашем Конаковском районе, о котором следует рассказать особо. Это – пансионат «Карачарово», бывшее имение князя Гагарина. Князь Григорий Григорьевич Гагарин (1810-1893) – личность для наших мест очень значимая. Мы знаем его, прежде всего, как художника и архитектора, ученика К.П. Брюллова, друга и иллюстратора произведений А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, В.А. Соллогуба.

Род князей Гагариных древний, идёт от Рюрика. Один из его потомков, князь Михаил Иванович Стародубский (семнадцатое колено от Рюриковичей), живший во второй половине XV века, имел прозвище Гагара. От его сынов и повелись Гагарины.

Князь Г.Г. Гагарин получил блестящее, разностороннее образование в Италии, много путешествовал по России, Кавказу, Турции, Италии, писал картины и создавал иллюстрации, проектировал и расписывал храмы. Князь оставил большое художественное наследие. В 1910 году, к юбилейной выставке (100-летие Г.Г. Гагарина), его старший сын, тоже Григорий, составил каталог произведений отца, в котором значилось 2000 картин, портретов, рисунков.

Князь был женат дважды. Первая жена – княжна Анна Николаевна Долгорукова, скончалась при родах. Вторая супруга – Софья Андреевна Дашкова, – умная, обаятельная, его верная помощница, в том числе в делах благотворительности, была матерью большой семьи (три сына, три дочери, воспитывала падчерицу от первого брака, а потом многочисленных внуков).

Карачарово не было родовым имением Гагариных. Софья Андреевна получила его в наследство от своей сестры, вдовы помещика Сонна. С новыми хозяевами Карачарово преобразилось. Князь, несмотря на то, что часто бывал за границей, был глубоко русским, православным человеком, любил свое имение и очень много сделал для его обустройства: изменил планировку усадьбы, вместо деревянных построек возвел каменные. По образцу лондонского Гайд-парка был разбит живописный парк площадью 66 га, в котором насчитывалось около 50-ти аллей. В 1877 году расписал каменную церковь святителя Николая в своем ближнем сельце Сучках, устроил при ней школу для деревенских ребятишек, в которой они не только учились, но и питались, а в непогоду оставались ночевать. Все расходы по ее содержанию брал на себя. Был рачительным хозяином, заботился о своих крестьянах.

Предки нашего знаменитого земляка, художника Валентина Сидорова, считались крестьянами князя. Когда его бабушка выходила замуж, то князь приказал садовнику отобрать саженцы яблонь самых лучших сортов в качестве приданого. «Ими будешь поднимать ребятишек», – сказал князь. Этот сад вспоминает Ва-

лентин Михайлович в своей книге «Гори, гори ясно». Рано овдовев, бабушка поднимала многочисленную семью своим садом, называла сад кормильцем и всю жизнь молилась и вспоминала князя добрым словом. Оказывается, родной брат князя был селекционером, жил в Лондоне, каждое лето приезжал в Карачарово, привозил с собой саженцы лучших европейских сортов, акклиматизировал их в саду брата для здешних условий. Отсюда распространялись они в наших местах. И необыкновенная знаменитая сирень пошла тоже из Карачарова, от Гагариных.

Что Карачарово – бывшее имение князя Гагарина, в моем детстве, в 30-х годах XX века, мы знали. Часто ходили гулять на цветущие сучковские заливные луга: перебежишь речку Сучок, текущую в крутых берегах, заросших черемухой, по двум узеньким бревнышкам, – и по берегу Волги, по тропиночке, рукой подать до Карачаровского парка, в котором знали все укромные уголки и аллеи (еловую, березовую, липовую, дубовую, кленовую), пруд с беседкой на островке и ажурным мостиком, круглый фонтан с гипсовой лягушкой-царевной посредине, по тени которой мы определяли время в солнечные дни, много других интересных диковинок. За усадьбой – большой плодовый сад, а по весне повсюду расцветала удивительно красивая сирень.

Непростые 1937-38 годы. Мне 11 лет, жизнь только начиналась, а вокруг совершались грандиозные события – Волга превращалась в Московское море! Дома из Корчевы и затопляемых деревень перевозили в Конаково, каменные постройки и церкви взрывали, разбирали на кирпичи. Эта участь постигла и ближайшие от Конакова села, в том числе и церковь святителя Николая в Сучках, расписанную князем Гагариным.

Князь скончался в 1893 году, во Францию, но завещал похоронить себя в своем имении Карачарово, которое он очень любил. Его похоронили на кладбище села Сучки, в склепе, недалеко от церкви, которую он построил. Рядом был склеп археолога Юлии Густавовны Гендуне, которая производила раскопки древнего городища на Топорке (на противоположном берегу Волги). Когда церковь взорвали, часть уцелевших кирпичей была сложена в штабеля, а чтобы местные жители не воровали ночью этот кирпич, поставили сторожа, известного пьяницу по прозвищу Туча, которому кладбищенские страхи были нипочем. Однажды ночью, во время своего дежурства, он вскрыл склеп князя, надеясь найти там какие-то ценности (ведь не простой мужик похоронен, а князь), но ничего не нашел.

А тело князя за долгие годы сохранилось нетленным, он был как живой, говорили очевидцы. Видимо, было хорошо забальзамировано перед отправкой из Франции на Родину, в Россию, и Бог сохранил его. На нем хороший костюм. Пьяный Туча вытащил тело князя из склепа, снял с него костюм и ушел продавать, оставив тело под сосной. Тем временем один мужик приехал воровать кирпич и вдруг в свете луны увидел покойника, стоящего под деревом в исподнем. Бедняга так перепугался, что лишился разума. Сторожа-вандала задержали на рынке, судили, посадили в тюрьму. А тело князя предали земле недалеко от кладбища, на открытом месте, там, где сейчас и стоит памятник. Правда, теперь там высокий лес – ведь столько воды утекло!

Об этом из ряда вон выходящем случае святотатства тогда много было разговоров в Конакове. Наслушавшись этих захватывающих разговоров, начитавшись приключенческих книг, решили мы с подругами и детьми отправиться на старое кладбище в Сучки. Мальчишки запаслись смолой в консервных банках – для факелов, как в настоящих приключенческих романах. На месте бывшей деревни сохранились куртины сирени. От церкви остались груды щебня, штукатурки, заросшие лопухами. Поплутав между могил, нашли развороченный склеп, черную, таинственную дыру лаза. Мальчишки, подбадривая себя шутками, подначками, стали по одному спускаться в склеп, освещая его внутренность чадящими факелами, а мы, девчонки, дрожа от страха, стояли в стороне, не решаясь заглянуть внутрь. Но склеп оказался пустым – только мелкая стружка да лоскут белой тряпки. Рядом с лазом в склеп князя была могила романтической Юлии Гендуне, закрытая тяжелой разбитой плитой с остатками памятника из красивой мозаики. Несколько кусочков цветной смальты, подобранных возле памятника, долго хранились у меня в коробке.

Лет через двадцать со своим сыном прошла по тем местам, чтобы показать ему нашу старину. Переплыли на лодке речку Сучок, долго бродили по берегу, но никаких следов кладбища, церкви, ни одного куста случайно выросшей сирени не сохранилось, только заросшая ольхой канава вокруг участка – всё поглотило время! А в стороне – пирамидка памятника над могилой князя Г.Г.Гагарина.

Сейчас памятник князю, талантливому художнику, скульптору, видному общественному деятелю, оставившему яркий след в истории России и на нашей конаковской земле, зарос не только травой, но «лесом забвения». Найти его трудно, прямой дороги нет, только в объезд каких-то охраняемых частных владений, а далее – пешком через лес. Выглядит он одиноко, покинуто, без надлежащего ухода и внимания. Неужели этому светлому человеку, так много сделавшему при жизни добра для нашей малой родины и всей России, во второй раз после смерти придётся перенести поругание и вандализм от нас, неблагодарных потомков?! Неужели мы, ныне живущие, не в состоянии проложить прямую, незарастающую тропу к его могиле и поставить достойный памятник? Неужели ради такого отношения потомков в XIX веке, без доступных и привычных сейчас достижений цивилизации, было предпринято такое непростое посмертное «путешествие» князя на Родину?

Местные власти проявили хорошую инициативу по обновлению памятника князю на его могиле, но вмешались различные обстоятельства, и сейчас речь идет об установлении нового памятника совершенно в другом месте, не на могиле, а судьба могилы стала еще более туманна. Необходимо провести генетическую экспертизу останков из этой могилы, чтобы раз и навсегда развеять все сомнения, похоронен ли там князь Гагарин или нет. К счастью, в XXI веке для этого есть все возможности. И, конечно, эти мероприятия должны проводиться при непосредственном участии родственников и общественности, с должной торжественностью, которую, бесспорно, заслужил князь.

Может быть, если история с могилой князя Гагарина будет завершена достойно, на конаковской земле опять появятся люди подобного масштаба и сделают много хорошего для тех, кто здесь живет, и для всей России.

Поэзия

Елена АЛЕКСАНДРЕНКО

с. Буссевка,

Приморский край

* * *

Мир улыбочивый затих,
Я его почти не слышу.
Первый снег, как белый стих,
Опускается на крыши ...

Так свободно и легко
Мне дышать его словами,
С паутинками шелков
Снежной пряди над ветвями.

Добровольно в белый плен
Я сдаюсь без сожаленья,
В белый омут, в белый день,
В белое стихотворенье.

Долго путается мысль,
Словно нити пряжи снежной.
Предо мной такая высь
И такая неизбежность!

НОЯБРЬ

Ноябрь капризен и суров,
Шагаю в полночь по привычке...
Доносит ветер со дворов
Собак пустую переключку.

И вновь звоню тебе я зря,
В ночи словами не согреться.
Печаль и холод ноября,
Мне кажется, ношу под сердцем.

Деревья без листвы тихи,
Стоят, как тени неживые,
Стучатся грустные стихи,
Как в стекла капли дождевые...

Во тьме продрогла я насквозь,
Как этот ветхий парус неба.
Сквозит ноябрь,
 бездушный гость,
И пахнет предстоящим снегом.

* * *

Всю ночь телефон,
Как воробышка, грею,
Холодное тельце
 сжимаю в горсти,
Все жду, что чирикнет...
– Любить не умею?!
Зачем ты так, милый?!
Прощаясь –
 прости!

ПИСАТЕЛЬ-СМЕРЧ

/О личности и творчестве Виктора Власова/

Виктор БОГДАНОВ,
г. Омск

Примечательная личность ворвалась в российское литературное пространство и замелькала одновременно во множестве его точек: Виктор Власов.

Эпикурец, расточитель слов, забавник. Циник и доброхот, повеса и трудоголик, маньяк и рубаха-парень в одном лице. Стратег-романтик, хитроумный тактик, фантазёр, путешественник и космополит-патриот. Человек с хищным взглядом и обманчиво-наивной улыбкой.

В свои 24 года Власов уже издал пять книг прозы, за первую из них (повесть «Красный лотос») был удостоен областной молодёжной премии имени Ф. М. Достоевского, является членом различных писательских объединений (Союза писателей XXI века, Всемирной корпорации писателей), менеджером молодого и перспективного журнала «Вольный лист», выпускаемого в Омске Иваном Тараном, опубликован в десятках традиционных и сетевых литературных изданий.

Я не успеваю читать произведения Виктора, я порой не успеваю даже знакомиться с анонсами его новых, вышедших в свет работ, список которых буквально каждую неделю увеличивается на две-три позиции! Такое ощущение, что Власов способен написать за день печатный лист прозы, а уже утром следующего – она будет обнародована в каком-либо журнале или на сайте!

Где только не встретишь опусы Власова! От журнала авангардной поэзии и прозы «Футурум АРТ» до арсеньевского «Литературного меридиана» с православным уклоном, от столичных «Литературной газеты» и «Литературной России» до «Сибирских огней» и омских «Складчины», «Преодоления», «Иртыша-Оми»... Все охотно его печатают. А история власовских публикаций в Интернете учёту и классификации не поддаётся вообще.

Что же это за феномен такой? Попробуем взглянуть на В. Власова пристальней и разобраться.

Прозу его можно условно разделить на несколько основных потоков. Это повести из средневековой жизни других стран и народов (Японии, Англии: «Красный лотос», «Последний выход»), путевые заметки («По ту сторону неба»), фэнтези («Сага о Нозготах»), это реалистические рассказы и повести о современности («Третий в команде») и это многочисленные обзоры текущих литературных будней (с портретами провинциальных писателей) родно-

го Власову Омска, больше напоминающие весёлые экскурсии по литзоопарку и пока ещё – к сожалению! – не объединённые в сборник, который, чувствую, мог бы стать весьма колоритным явлением в современной литературе.

Разные жанры, разные времена, пространства и ситуации, разные герои пронизаны в творчестве Виктора Власова единой стилистикой и менталитетом автора, как то и должно быть, когда мы имеем дело с талантом.

Власов – последовательный, чрезвычайно ярко выраженный экстраверт. Он весь обращён к внешнему – как окружающему его, так и далёкому или воображаемому. Потому, в частности, и жаждет до иных времён, чужих палестин, до вещей и существ. Но главное: он – неутомимый ловец человеков, коллекционер индивидуумов. Любого встречного В. В. воспринимает прежде всего в качестве персонажа литературного текста. Как смерч, Власов затягивает людей в воронку своего творческого процесса и, прокрутив в голове, припечатав клавишами, точно энтомологическими булавками – бабочек, несётся сокрушительным вихрем дальше – по редакциям и сайтам России.

Люди в его сочинениях тоже подаются читателю по преимуществу экстравертивно: через одежду, внешность, поступки. Их потаённого мира, сложных глубинных мыслей и чувств, рефлексий автор никогда не касается непосредственно, впрямую, изнутри.

Но это не значит, что герои прозы В. В. статичны, картонны. Их психологическая физиономия приходит в движение, опять же, от внешних толчков, от различных посторонних материальных воздействий. Например, в повести «Красный лотос» случайное происшествие в бою – камнепад, обрушившийся на голову главного героя Татсумару, после чего тот надолго теряет память о прошлом, – становится не только двигателем дальнейших событий повествовательного фона, но и мощным катализатором первого плана текста – любовной истории молодых ниндзя Татсумару и Аяме. (Попутно замечу, что построение сюжета, интриги является сильной стороной таланта Власова, в то время как с лексикой, грамматикой и синтаксисом он зачастую не в ладах, но и этому есть объективные причины, о коих – ниже).

Как театр начинается с вешалки, так персонаж

рассказа В. Власова может начинаться даже не с одежды и описания внешности, а с производимых им звуков: *«Заслышав тяжёлую поступь по лестнице, все знали, что шагал Он. Его ход, тяжёлый, словно у гусеничного трактора, отдавался шлепками мокрых подошв кирзовых ботинок в коридоре»*. Таким образом, ещё не показав своего героя – культуриста Вову Новогорова, тёмную, непроницаемую, загадочно-жутковатую для посторонних личность, – воочию, писатель в рассказе *«Железный человек»* уже сообщает о нём очень много, умудрившись создать и внешний, и внутренний портрет человека до его появления перед читателем. Правда, в дальнейшем этот портрет довольно сильно изменится, чему снова послужат внешние происшествия, остающиеся за кадром, и мы почувствуем: рассказ, построенный на поверхностных эффектах, на умолчаниях, психологически состоялся – он живой.

В большинстве вещей Власова судьбы и события предшествующей жизни героев, их сокровенный душевный мир, равно как и мотивы их текущих поступков, – например, бомжа Яшки из рассказа *«Гринпис»* или Генки из рассказа *«Третий в команде»* – также пребывают в тени. Прозаик почти всегда берёт человека «как он есть» здесь и сейчас – под взглядом других персонажей и/или рассказчика.

Вот явление читателю деда Саши (*«Третий в команде»*): *«Дверь подъезда открылась, и внутрь вошёл строгий дед в распахнутой утеплённой коричневой фуфайке и широких ватных штанах, крепко подпоясанных старым истёртым кожаным ремнём. Лицо его мокрое, с блёстками на густых чёрных бровях. На пепельно-серых скулах вились редкие жёсткие волосы. Сизое, суровое лицо влажно сверкало. Большие чёрные глаза сузились, закипели будто смолой. Он удовлетворённо улыбнулся, и золотистые коронки на передних крупных зубах превратили улыбку в свирепый оскал. Дед помахивал длинным кленовым прутком и глядел на плохишей неподвижным взглядом, в котором укор соединился с иронией. Западня!»*. Воистину, не часто встретишь в современной прозе столь въедливого и мощного физиогномиста! Недаром фирменный знак произведений Власова – целые вереницы эпитетов-прилагательных.

А вот как подробно может описать он «причёску» героя – Генки: *«Длинные чёрные засаленные волосы блестели воском, скатавшись на чёлке и седеющих висках, превратились в колья, на затылке клоки волос образовывали причудливые подрубленные уступы»*.

Или его лицо: *«/.../ вместо морщин на высохшем лбу остались серые разводы от грязи»*.

Повышенное внимание к мельчайшим деталям и меткость в их передаче – ещё одна характерная особенность прозы Власова. Правда, и тут лучше всего ему удаются нюансы человеческих лиц и же-

стов, одежды, манеры говорить, а не, допустим, людских эмоций или пейзажа.

Писательская оптика Виктора Власова сфокусирована на телесном: пропорциях фигуры, мускулатуре, жилах и прожилках, подробностях эпидермиса конкретных людей. Тончайшие ощущения субъекта, связанные с его физиологией, этот прозаик воспроизводит не хуже многоопытного врача! Вот кредо автора, высказанное в предисловии к повести *«Сон в зимнюю ночь»*: *«Любое движение мысли или мышц сулит прогресс бытию»*.

При таких предпочтениях эротика в текстах Власова несколько озадачивает читателя. По нынешним меркам она кажется старомодно-романтической, по-советски целомудренной. Это эротика случайных – кратковременных и без отдалённых последствий – уличных знакомств или мечтаний о них, эротика нечаянных прикосновений, «шутливых» объятий, пикантных реплик, эротика выхваченных жадным взглядом женских пальцев, локонов, бёдер, ароматов духов... Это, как правило, эротика без полового акта: на его месте в рассказах В. В. – всегда монтажный стык, пауза. Главный герой обычно не имеет постоянных сексуальных контактов, поэтому, если, в крайнем случае, дело всё же доходит до соития, он возбуждается столь сильно, что интимная близость оборачивается неудачами (*«Сон в зимнюю ночь»*) или пролетает в обморочном, бессознательном состоянии, не оставляя о себе отчётливых воспоминаний. Так что можно сказать: инфантилизм эротических сцен в сочинениях Власова, по большей части, психологически мотивирован. Да, именно так всё нередко и бывает в молодости. И здесь – писатель искренен, точен, честен с читателем.

В. Власов очень любит уснащать свою прозу подробными и всесторонне смачными перечислениями – порой чуть ли не целыми реестрами – различной снеди, кушаний – от экзотических до самых обыкновенных – и по-раблезиански описывать процесс поглощения пищи: *«/.../ Генка облился, урчал, словно голодная собака», «Его очень загорелое лицо радостно округлилось, розово-коричневые щёки раздувались точно у хомяка, запасшегося едой на долгое время»* (*«Третий в команде»*). Его герои перманентно голодны, и даже их наружность часто вызывает у рассказчика кулинарные ассоциации: *«Тяжёлые золотые серёжки оттягивали мясистую красноватую мочку уха; теперь уши походили на вареники с клубникой»* (*«Путешествие к морю»*), *«/.../ а щёки их румянились, словно тесто слоёного печенья», «Белые, как сливочный крем, продолговатые пальцы /.../», «Она выглядела, точно варёный стебель спаржи /.../», «/.../ выпячивая толстые как пироги губы /.../»* (*«Сон в зимнюю ночь»*).

Персонажи произведений Власова почти никогда не пребывают в раздумье, замешательстве, вообще в покое: с ними постоянно что-то происходит,

они в вечном движении – реальном либо воображаемом. Они сражаются, пакостят, едят и пьют, любят, едут, идут, летят, говорят, мастерят, размахивают руками, книгами, оружием, пером, своими экстравагантными идеями и мечтами. Зачастую это маргиналы: бомжи, провинциальные литераторы-неудачники, разбойники с большой дороги или не определившиеся в жизни юнцы. Что неудивительно: такие фигуры предоставляют автору больше внешнего яркого материала для запечатления.

Преподаватель английского языка по профессии, Власов отлично чувствует знаменитое шекспировское «Весь мир – театр, и люди в нём актёры». Его проза театральна и кинематографична, зрелищна, местами – весьма фактурна. На мой взгляд, ему бы хорошо удавались пьесы и киносценарии, но пока он, кажется, их почему-то не пишет.

Писательская хватка Виктора Власова достигает своего апогея в уже упоминавшихся очерках провинциальной литературной и околотитулярной жизни. Перед читателем – смесь готической фантазмагии и современного триллера. Литераторы, закрученные писателем-смерчем, проносятся в этой прозе стремительным калейдоскопом лиц, жестов, реплик. Ни собственно тексты, ни творческая и человеческая суть и разность писателей Власова, по большому счёту, не интересуют. Ему важны лишь их облик, действия, события, происходящие с ними, голые внешние факты их общественного бытия, гротескно искажающиеся под пером В. В. Для иллюстрации сказанного не откажу себе в удовольствии привести обширную и яркую цитату из опуса Виктора, озаглавленного «Кто такой писатель, или "Разбор по составу"»:

« – Не отступать, не сдаваться! – грозно, с отчаянностью кричит Николай Васильевич Березовский, находясь за огромным пулемётом. /.../ Дрожат на плечах наполовину оторванные погоны маршала российской литературы. Пулемёт, работает в полную силу, выпуская немислимое количество пуль в серую светящуюся дымку, где слышится разноголосый крик. – Не пропустим графоманов в литературу! Патроны заканчиваются.

– Несу, несу! – я, дыша тяжело, как раненый, тащу большую коробку, где хранится последняя лента с патронами. Счастливая, с автографом Александра Плетнёва. – Мы потеряли уже Ивана Тарана, Федоровский пропал вслед за Хохловым. Даже тел нет – графопийцы сгрызли!

Вокруг страшный шум, невнятные выкрики, завывание волков на луну, но ни писателей, ни поэтов не видно, выглядывают какие-то чёрные и серые худые фигуры и снова ныряют в туман. Ни пули, ни штыки пешей маленькой армии во главе с Николаем Трегубовым и Александром Лейфером не могут отбить натиск. Вот офицеры литературы держат знамя вместе со Станиславом Михайловым, заведомо поэзии «Сибирских огней», стоят в растерянности, в синяках.

– Их слишком много, – качает головой Александр Лейфер. – Сдаёмся!

– Не отступать и не сдаваться! – слышится с высоты из дирижабля. Быстро и ровными полосами гуляет по земле свет его гигантских прожекторов. Попадая на упырей, сжигает их, не оставляя даже пепла.

– Подкрепление, держать оборону! – браво раздаётся по громкоговорителю. Грозно говорит Расуль Ягудин, главный редактор международного литературно-художественного и публицистического журнала «Русская Литература», издающегося в городе Свободы – Нью-Йорке. Пучок света – бомба, выпущенная им, взрывает лидера литературных графопийц – Куняева и его приспешников.»

Таким образом, писатели в трактовке Власова последовательно, один за одним, превращаются в живописных смешных марионеток под неутомимым водительством автора, а современный литературный процесс – в шутовскую комедию. Я не припомню в критике последних десятилетий столь нестандартного, игрового, карнавального подхода к реальной литературной жизни. Он кажется свежим (хотя и стар как мир), более того – плодотворным, ибо, по трезвому размышлению, открывает в описываемых людях и ситуациях печальную изнанку экзистенции, не подвластную их воле.

Однако, при всём своём тонком сарказме, Виктор Власов – не мизантроп, не злопыхатель, не обидчик, сводящий счёты. Скорее – затейник, весельчак, игрок, большой ребёнок. Может быть, именно его инфантилизм является преградой способности глубоко (и скучно!) анализировать что бы то ни было. Говоря точнее: В. В. к своим героям добр – ведь они искренне его занимают и служат пищей для ребяческих развлечений. Вероятно, поэтому ему хорошо удаются портреты детей.

Вернёмся к рассказу «Третий в команде» – одному из лучших произведений В. Власова. В нём три главных персонажа: пацаны Денис и Антон и бомж Генка. Но все трое – дети. Только Антон и Денис – дети злые, буруеваемые жаждой разрушения, а взрослый ребёнок Генка – мечтатель, фокусник, фантазёр, книгочей и мастер на все руки – творец и поборник добра. По ходу рассказа этот необычный, несколько идеализированный бомж показывает своим юным приятелям целую вселенную: «Генка рассказывал множество удивительных вещей, которые неистово оживляли воображения ребят. До встречи с ним они жили, будто в вакууме, не подозревая, что в мире происходило и открывалось столько великолепно, способного привлечь внимание целиком. Генка – поразительно-великий источник последних открытий, захватывающих исследований. Новый знакомый являл их воображению новые и новые образы, в них ребята прокатились на летающей тарелке инопланетян и проехали на невиданной породы лошади, скрещенной с верблюдом». В результате долгого общения с Ген-

кой дети преображаются, и читатель в их лице имеет дело с таким современным вариантом «Тимура и его команды». Тот, кто не потрудился или не успел разобраться в творчестве Власова, может к концу рассказа счесть его плоским моралистом, но Виктор – эстет. Процесс перемен в героях интересует его в первую очередь сам по себе, как двигатель повествования, а не с этической точки зрения. С таким же успехом он сумел бы описать и цепочку обратных метаморфоз.

Напоследок изложу некоторые наблюдения и предположения о писательской генеалогии Власова, его литературных недостатках и возможных векторах его эволюции.

На поверхностный взгляд опусы Виктора Власова видятся производным современных «жанров» массовой литературы – всех этих фэнтези, псевдоисторических реконструкций, ужасиков и «разработок» национальных эпосов, а отчасти – и сочинений соцреализма. Несомненно, влияние (по преимуществу сказывающееся в выборе (но не в методах обработки!) материала и общей конструкции текста) перечисленных явлений на письмо Власова ощутимо, но не тотально.

Например, в умении выхватывать и описывать человеческие типажи В. В. вполне традиционен и представляется мне наследником русских классиков – таких, в первую очередь, как Грибоедов, Гоголь и Салтыков-Щедрин. От Грибоедова у него – меткость, от Гоголя – гротеск и изобразительный напор, от Щедрина – сарказм. Круг чтения Виктора мне неизвестен, так что, возможно, указанные особенности его письма – вовсе не следствие начитанности и ученичества, а суть врождённые. В любом случае, до великих Власову далеко, однако образцовые художественные приёмы классиков среднестатистическим нынешним литератором настолько забыты (или попросту чужды ему), что детали писательской манеры В. В. могут восприниматься (и, судя по всему, воспринимаются!) как принципиально новаторские.

С другой стороны, Власов – мифолог, мистификатор, манипулятор, этакий анти-Ролан Барт. И это тоже столь же современно, сколь и традиционно. От первого сочинения Виктора, прочитанного мною (им был текст, посвящённый его другу – поэту и критику Тарану), на меня повеяло Серебряным веком, декадансом: духом прозы Фёдора Сологуба, Ремизова, Мережковского... А этот дух, опять же, именуется в сегодняшней малограмотной российской литературной провинции как угодно: авангардизмом, сатанизмом, эскапизмом... Только не веяньем классики!

Произведения Виктора Власова изобилуют стилистическими сбоями и грамматическими небрежностями. В нём бушует неиссякаемая и некротимая энергия, он торопится, пропустив через себя, начерно запечатлеть, словно Паскаль Киньяр, «все утра мира» и скорей показать их

другим. Спешит жить, спешит писать, спешит публиковаться. Он многословен, порой несдержан и неуклюж, как подросток. Он приходит в буйный восторг от процесса письма. Он захлёбывается собственным стилем, ибо очарован тем потоком лиц, вещей и положений, который хлещет через него на экран монитора. Оказывается, втайне (см. его интересные и откровенные признания о писательстве в эссе «Крик души», напечатанном в журнале «Литературный меридиан», № 6 2011) он обижается на критику, на невнимание, на проволочки с публикациями, на советы старших, «маститых» собратьев по перу, да, наверное, и на сверстников, сильно переживает. Как всё это мило и живо, однако!.. Витя Власов. Чем-то он напоминает мне Эдуарда Лимонова, три десятилетия назад всколыхнувшего советско-диссидентское литературное болото. Хорошего бы редактора объёмному корпусу власовских сочинений! Да где же нынче такого возьмёшь?..

«Куда ты спешишь, тёзка? Куда несёшься сломя голову?» – спрашиваю я его. И он без иронии и запинки отвечает: «К славе. К славе!» Внешняя, публичная, материальная сторона писательской стези чрезвычайно важна для Власова. Люди иной формации неодобрительно скажут: карьеризм, бездуховность, вот он – новый русский в литературе, вот он – культурный типаж XXI века!.. Увы. В. Власов – чистой воды идеалист, романтик. Литература как средство достижения «благ», доступных звёздам кино и эстрады или политикам и олигархам? Наивно. Однако он свято верит, что писателя в мире по-прежнему ждёт Олимп, – и в этом он крайне старомоден. А если и ждёт, то Власов пока не знает (или не хочет знать!), что теперь и на олимпах так же многолюдно, банально, скучно и тяжело, как у их подножий.

Смерч – как всякий феномен – явление впечатляющее, но краткосрочное. Каким видится мне писательское будущее Виктора Власова? Может быть, со временем он слегка остепенится, отточит стиль, расширит или изменит творческий диапазон, будет внимательней к слову и напишет новые интересные книги, в которые перейдёт всё лучшее, что есть в уже сочинённых, а нынешние погрешности останутся в прошлом. Но вполне вероятен и другой вариант: внешняя сторона писательской жизни возобладает над Власовым, и, опочив на лаврах публикаций, собраний, званий и премий, писатель-смерч, исписавшись и посерев, станет одним из тех застывших околотитературных мастодонтов, которых он пока критикует.

Я желаю Власову состояться и продолжиться в качестве настоящего писателя. Ведь сейчас он живой, заразительный, талантливый и очарованный литературой человек со своеобразной писательской оптикой. Из такого должен быть толк!

ЁЛОЧКА ДЛЯ ЛЮБИМОЙ

Виктор ВЛАСОВ,
г. Омск

Степан Механов, двадцатисемилетний учитель истории, жаждал познакомиться с доброй и очаровательной девушкой. Но, чрезвычайно скромный по натуре, он не решался завязать знакомство с кем-нибудь из прекрасной половины человечества ни на работе, ни в общественном транспорте, ни, скажем, в одном из девяти театров города, завсегдааем которых был.

Без любимого человека Стёпан стал замыкаться в себе, нервничать. У ребят – любимые девушки и хорошее настроение, в ближайших их планах – съездить на базу отдыха, отдохнуть как следует, хотя бы провести пару дней вместе, ведь всего через месяц Новый год, а он одинок – ни себе, ни людям, как шутили немногочисленные его друзья. Да они и считали, что приглашать его в компанию не имеет смысла – последнее время после работы и в выходные дни он не выходил из дома вообще. Запирался наглухо, выключая и стационарный, и сотовый телефоны. Работа – дом, дом – работа, о большем и не думал. И всё делал автоматически – просыпался, ел, пил, вёл уроки, проверял домашние задания.

Однако жизнь преподносит свои сюрпризы – однажды разболелся у Степана зуб. И хочешь не хочешь, а пришлось идти в поликлинику.

С острой болью к стоматологу стоять в очереди не довелось, медсестра, пригласившая в кабинет, усадила Степана в кресло, а о враче сказала:

– Он сейчас придёт. В регистратуру к телефону позвали. – И спросила сочувственно: – Сильно болит?

– Сильно, – мужественно признался Степан. Лица медсестры, закрытого марлевой повязкой, он не видел, но её зелёные глаза завораживали.

– А можно, я посмотрю? – спросила зеленоглазая, и Степан послушно открыл рот. – Ага, – заглянула ему в рот. – Воспаление десны. А вы полоскать шалфеем не пробовали? – И сняла повязку.

– Не пробовал, – тотчас влюбился в молоденькую медсестричку Степан. А ещё «снял» взглядом с бейджика на халате её имя – Алина.

– Тогда идите домой и полощите. Живое надо беречь, а не рвать с корнем.

Степан послушался, а вечером, уже без зубной боли, после полосканий шалфеем, встретил девушку у выхода из поликлиники:

– Алина, я к вам проконсультироваться...

Так жизнь Степана наполнилась наконец смыслом. Алина притягивала его своей загадочностью. Правда, за два уже случившихся свидания он мало что о ней

узнал: приехала в Омск из деревни, окончила медицинский колледж, но в медакадемию провалилась, будет поступать снова, а пока вот медсестра... «Но узнаю, узнаю!» – не терял он надежды, крепнувшей в нём с приближением Нового года. А когда до праздника осталось всего ничего, прямо спросил у Алины, что ей подарить на Новолетие.

– Ты – главный в моей жизни подарок! – отшутилась она. – Таких вопросов не задают, если хотят сделать сюрприз.

– Ага, – кивнул Стёпан, поглощённый собственным счастьем. – Поедешь со мной за город? Компания хорошая собирается!

– С тобой – хоть на край вселенной!

Край вселенной – это замечательно, но вопрос о подарке остался открытым. Дарить коробку конфет или духи – банально, драгоценности – на учительскую зарплату не потянешь, да и пошло, наверное. Очень хотелось подарить любимой что-нибудь тёплое и пушистое. Но не свитер же, который привлёк его внимание в магазине – очень уж, смутился Степан, интимно.

Покинув магазин, Степан уныло побрёл по улице и выбрал на ёлочный базар. И к нему сразу же подбежал шустрый парень:

– Пихта, сосна, ель – что желаете? Жене, детям, любовнице – кому хошь, на выбор! Что за Новый год без живого символа праздника? Какой Новый год без ёлки, пахнущей свежей хвоей?

Поддавшись на уговоры продавца, Стёпан купил ёлку под рост Алины. Алина была ему по плечо. Продавец перетянул лапы деревца бечёвкой, чтобы удобнее было нести, и Степан, не дожидаясь назначенного времени, появился на пороге съёмной квартирки Алины с широкой улыбкой и горящими глазами. И с ёлкой, понятно, наперевес. Но вместо ожидаемой радости на лице любимой отразились ужас и презрение одновременно. Она закричала на парня, вытолкала Степана за порог, и уже из-за закрытой двери прорыдала: «Чтобы я тебя больше никогда не видела!»

Домой Стёпан вернулся сам не свой, а потом впал уже не в депрессию, а в полную протрацию. В этом состоянии провёл он и наступивший Новый год. Если на что и отвлекался, то лишь на телевизор, который включал, чтобы не сойти с ума от одиночества и тоски по выставившей его девушке. И едва не свихнулся, увидев вдруг на экране Алину. Нет, она ему не причудилась, а вживую участвовала в какой-то

телевизионной передаче о защите природы. Из этой передачи Степан и узнал, что Алина была «зелёной», волонтером городского отделения Всероссийской организации Гринпис.

«Надо же, а я ей срубленную ёлку – в подарок!» – чуть не взвыл Степан, а поскольку был однолюбом, стал думать, как вернуть любимую, что сделать такого, чтобы заслужить её доверие и уважение к себе. Но ничего не приходило в голову. Хорошо, позвонили из школы и попросили свозить школьников на экскурсию в местное лесничество – занедужила коллега Степана, назначенная ответственной за это мероприятие. «На свежем воздухе, может, осенит!» – обрадовался Степан, и на выделенном шефами школы автобусе повёз ребят в лесничество.

Главный лесник лесничества, утопая вместе с юными экскурсантами по пояс в снегу, водил их по делянам, на которых размножались под будущие высадки такие же юные деревья, и рассказывал о тяжёлом труде, предшествующем появлению прекрасных хвойных лесов. «Таковыми же, как вот эти», – сводил он школьников и к начинавшемуся за делянами настоящему сосновому бору.

– Степан Сергеевич, а правда, эти сосны похожи на сказочных великанов? – спросила у Механова одна из школьниц.

– Правда, – подтвердил Степан.

– А мы их – топором! – вздохнула девочка, и у Степана сами собой полились из глаз слёзы.

– Это от мороза, – успокоил он уставившуюся на него в испуге школьницу, смахнул слёзы одной из голиц, выданных в лесничестве, и продолжил экскурсию между соснами вместе со всеми. А когда они вернулись вновь на деляны с молодыми посадками, спасительное решение подсказал главный лесник. Оказывается, хвойные деревца можно пересаживать даже зимой, отчего они становятся даже здоровее. Договориться с экскурсоводом не составило труда. Домой Степан вернулся с пакетом, в котором прятался саженец нежно-изумрудного, как глаза Алины, цвета...

До старого Нового года, всегда выпадающего на тринадцатое января, оставалось несколько часов. Алина встречала его, как и новогодний праздник двухнедельной давности, в полном одиночестве. Как и Степан, о котором она старалась не вспоминать, девушка жаждала любви, но ни к кому из парней местного отделения Гринпис у неё не лежало сердце, а вне круга «зелёных», была уверена, любимого и вовсе не найти. Это подтверждало и знакомство со Степаном, в котором она обманулась. Раздался звонок. Размышляя, кто бы это мог быть, Алина открыла дверь. У порога стоял Степан, пряча лицо за пушистой ёлочкой. И она молча приняла протянутый ей горшок с этим чудом...

Теперь это чудо преобразилось в чудесную ель, растущую перед окнами их квартиры, возле детской площадки, и иголки её пушистых лап, под которыми любит играть трёхлетняя дочка Степана и Алины, совсем не колючие.

От редакции

Пятидесятый номер «Литературного меридиана» вышел красочным и ярким по содержанию. Редколлегия «ЛитМ» спешит выразить благодарность своим друзьям – тем, без кого юбилейный номер был бы не таким заметным и дорогим для многих авторов и читателей.

Пожертвования на выпуск пятидесятого номера оказали: **Людмила Бестротова** (г. Лесозаводск), **Анастасия Караваяева** (г. Арсеньев, Приморский край), **Геннадий Хомский** (г. Уссурийск), **Владимир Пинчук** (с. Ильинка, Хабаровский край), **Светлана Ярославцева** (г. Владивосток), **Елена Александренко** (с. Буссевка, Приморский край), **Елена Якимова** (с. Кондратёновка, Приморский край), **Вита Пшеничная** (г. Псков), **Антонина Спасская** (г. Владивосток), **Тамара Цевун** (г. Артём, Приморский край), **Алиса Артёмовна** (с. Марьяновка), **Анатолий Бакалов** (г. Владивосток), **Лена Акимова** (г. Партизанск).

Спасибо, дорогие друзья!

В 2012 году мы постараемся порадовать наших читателей публикациями признанных российских литераторов, критиков, публицистов, историков, краеведом, а также постараемся не оставить без внимания и произведения талантливых молодых и малоизвестных поэтов и прозаиков.

Пишите нам, присылайте новые творческие работы (обязательно оформленные с учетом требований, подробно изложенных на последней странице каждого номера «Литературного меридиана»).

В первые месяцы 2012 года сотрудники нашего издания планируют восстановить Интернет-версию «Литературного меридиана».

Читайте наше издание по ссылке:

www.Litmeridian.ru

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К ПРИСЫЛАЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ

1. Произведение присылается **ОДИН** раз.
 2. Отдельные произведения печатаются на компьютере или печатной машинке с двойным интервалом. На обороте листа не писать и не печатать.
 3. Каждый лист рукописи должен быть подписан в правом верхнем углу: фамилия, имя автора (полностью) и наименование населённого пункта (в том числе – каждое произведение в электронном виде).
 4. Фотографии принимаются только контрастные, высокого качества.
 5. Произведения, присланные по электронной почте, имеют приоритет в публикации (**E-mail: Lm-red@mail.ru**). Текстовые файлы принимаются в формате WORD.
 6. При отправке корреспонденции в редакцию в графе «Получатель» необходимо указывать имя главного редактора Владимира Александровича Кóстылева.
- Материалы, не соответствующие требованиям, а также работы, написанные неразборчивым почерком, и тем более – ксерокопии и неразличимые компьютерные оттиски **не рассматриваются принципиально** и в работу **не принимаются**.

ПОДПИСКА НА 2012 ГОД

	полгода	год
«Литературный меридиан»	300 руб.	500 руб.

Указанная сумма высылается почтовым переводом на имя главного редактора **Кóстылева Владимира Александровича** по адресу издания:

**692342, Россия, Приморский край, г. Арсеньев-12, а/я 16,
редакция ежемесячника «Литературный меридиан».**

Ежемесячник высылается почтой по указанному подписчиком адресу.
Никаких дополнительных затрат подписавшийся НЕ НЕСЕТ.

- При перепечатке ссылка на «Литературный меридиан» обязательна.
- Мнение редколлегии не всегда совпадает с мнением автора.
- Редакция в переписку не вступает.
- Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
- Срок хранения рукописей в архиве редакции – 1 год.
- Авторы несут ответственность за достоверность своих материалов.
- Редакция имеет право отказать в публикации.

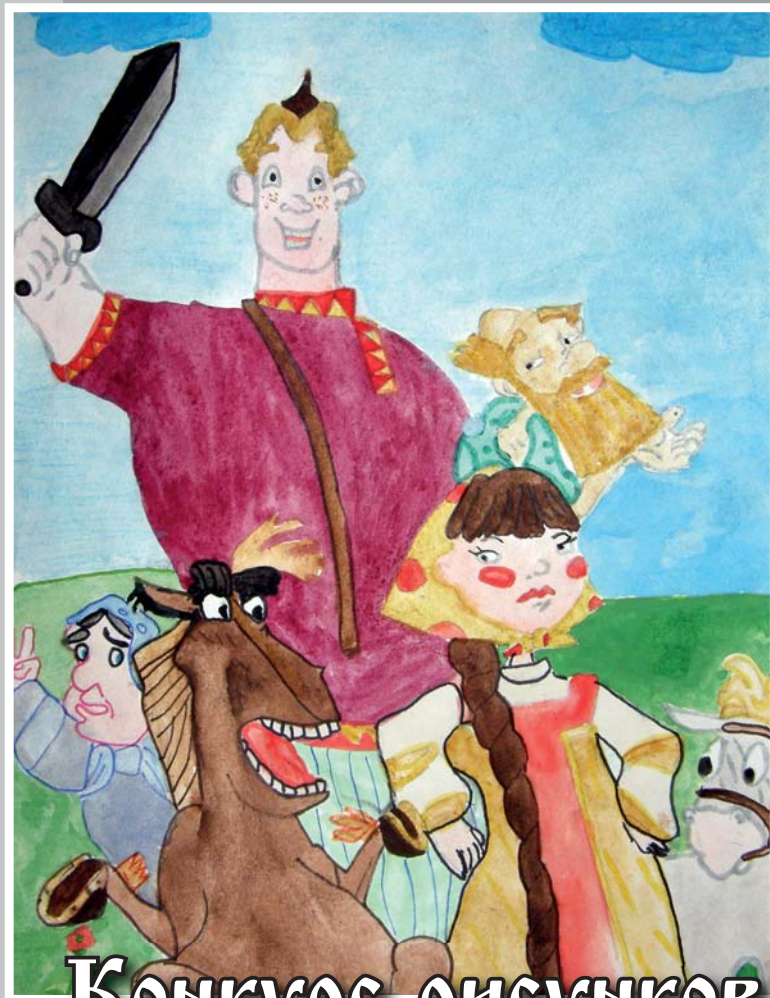
«Литературный меридиан» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Рег. ПИ № ФС 77–33178 от 18 сентября 2008 г.

Объём издания – 7 печатных листов.
Тираж 600 экз.
Номер подписан в печать по графику и фактически 26 декабря в 17-00.
Отпечатано в ОАО «Полицентр»,
г. Арсеньев, ул. Заводская, 5.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Россия, Приморский край, 692342, г. Арсеньев-12, а/я 16.
Тел. (+7) **914-666-1-999** (с 01.00 до 15.00 по Москве)
E-mail: **Lm-red@mail.ru**
Наш сайт: www.Litmeridian.ru
Номер счёта в системе Яндекс-деньги: **41001884919176**

**ИЗДАНИЕ ВЫХОДИТ НА СРЕДСТВА, СОБРАННЫЕ АВТОРАМИ, СОТРУДНИКАМИ РЕДАКЦИИ,
ЧЛЕНАМИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОВЕТА, А ТАКЖЕ НА ПОЖЕРТВОВАНИЯ,
И ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ НА БЕЗГОНОРАРНОЙ ОСНОВЕ.**

Алеша Попович и его друзья

*Автор рисунка —
Сергей ПОПОВИЧ, учащийся
Муниципального казенного
учреждения «Основная обще-
образовательная школа
№ 22» с. Изюбриное Чугуевско-
го района Приморского края*

Конкурс рисунков «Былина»

Илья Муромец

*Автор рисунка —
Ирина ШАРЛАЙ, учащаяся
Муниципального казенного
учреждения «Основная обще-
образовательная школа
№ 22» с. Изюбриное Чугуевско-
го района Приморского края*

